**Г.Г. Пирогов**

# Идеи и принципы коммунитаризма в конце XX - начале XXI века

## I. Конец XX века. Кризис либеральной доктрины: провал попытки реформирования в России и рост коммунитаристских идей на Западе

Конец XX века знаменуется кризисом либеральной доктрины, который последовал достаточно быстро за ее возрождением и расцветом в 80-е годы, связанным с концом эры дешевых ресурсов и структурно-технологической перестройкой в развитых странах. Питательной средой для возрождения либеральной доктрины послужил структурно-технологический кризис в экономике развитых капиталистических стран 70-х - 80-х годов. Он начался с нефтяных шоков и резкого удорожания энергетических ресурсов. За этим стояли более глубокие причины. На самом деле общество массового потребления - массового производства, основанное на экстенсивных и энергоемких массовых технологиях, исчерпало свои возможности. Назревал переход к интенсивному наукоемкому производству ресурсосберегающего постиндустриального типа. Новые технологии по-новому ставили проблему эффективности увеличения масштаба производства. Новые возможности получал мелкий и средний бизнес. Переход к новым технологиям и структурам требовал высвобождения финансовых ресурсов и развязывания предпринимательской инициативы. Основой стратегии высвобождения ресурсов явилась политика ограничения и сокращения “государства всеобщего благосостояния”. Экономика развитых стран в этот период остро нуждалась в усилении влияния “рыночного фильтра” для просеивания все возрастающего потока новых технологий [2].

Идеологическим инструментом новой стратегии капитализма было выбрано возрождение либеральной доктрины. Она предусматривала приватизацию государственного сектора, дерегулирование экономики, переход государства к управлению экономикой в основном монетарными средствами, ограничение функций государства в социальной сфере, открытие таможенных границ и ряд других мероприятий. Но ядром либеральной доктрины являлся антиэтатизм и концепция так называемого “открытого общества индивидуального выбора ответственности”, к которому мы еще вернемся. Либеральная доктрина резко критиковала кейнсианство, которое своими рекомендациями компенсирующих государственных расходов загоняло болезнь экономики внутрь и препятствовало структурной перестройке [3].

На первых этапах выхода из структурно-технологического кризиса либеральная доктрина, политически оформившаяся в виде тетчеризма-рейганизма, имела успех, хотя нигде не осуществлялась в чистом виде, поскольку жизнь настоятельно требовала поправок. Позднее стало выясняться, что доктрина зовет не вперед, а назад в эпоху “свободной конкуренции”, а мир в это время движется по пути структуризации рынков, создания транснациональных корпораций, глобализации рынка, формирования финансовой олигархии, возникновения неразрешимых экологических проблем, появления инфраструктурных и производственных организаций сетевого типа. Игнорировавшая эти явления либеральная доктрина стала вызывать сомнения и подвергаться критике. К тому же выяснились крайне негативные последствия проповеди индивидуализма, непосредственно вытекавшего из концепции “открытого общества”. Одним из таких критических течений стал коммунитаризм.

Кризис либеральной доктрины наиболее ярко высвечивается провалом реформирования в России, основанного на этой доктрине, и ростом коммунитарных явлений на Западе. В России была сделана попытка применить либеральную доктрину в чистом виде. Экономику, основанную на принципиально иных постулатах, попытались втиснуть в прокрустово ложе либеральной стратегии: приватизация, либерализация цен, открытие внутреннего рынка, уход государства из

экономики. Последствия были ужасны: промышленное производство сократилось вдвое, несколько меньшим, но такого же порядка было падение в сельском хозяйстве, инфляция обесценила рубль в 10-12 тысяч раз, большинство крупных предприятий разорилось, бегство капиталов составило от 20 до 30 млрд. долларов в год, инфраструктурные сети пришли в упадок, вместо конкурентного рынка возникла мафиозная компрадорская, сильно монополизированная экономика, которая поддерживается на плаву за счет проедания природных богатств и накопленного в предшествовавшую эпоху основного капитала. Поляризация общества достигла крайних пределов и сегодня можно говорить о его тотальной маргинализации. Расточительное потребление столичной финансовой олигархии и воротил криминального бизнеса достигло масштабов настоящей вакханалии, в то время как в провинции мерзнет и голодает подавляющее большинство российского населения. Попытки остановить инфляцию вылились в форму жестоких репрессий против наименее обеспеченных слоев населения, приведших прежде всего к невыплате зарплаты и пенсий.. Ограничение рублевой денежной эмиссии привело к долларизации экономики, распространению “черного нала”, бартера и различных видов денежных суррогатов, наиболее распространенным из которых являются взаимные неплатежи. В итоге, государство переживает жестокий финансовый кризис.

Все это очень мало похоже на экономику совершенной конкуренции, да и вообще на какую бы то ни было рациональную экономику. На фоне этого “экономического сюрреализма” буйно цветет преступность, причем самым обыденным явлением стали переделы собственности путем убийств и кровавых разборок. Коррумпированность бюрократии смыкается с криминализацией бизнеса. Но, пожалуй, наибольший урон понесло одно из самых важных достояний России - ее человеческий капитал. Установка на упорный труд в коллективе на благо государства и всего общества сменилась установкой на быстрое личное обогащение без разбора средств. В глазах молодежи упали ценность образования и квалификации, - это не та область, где можно заработать. И вообще концепция “зарабатывания” все больше уступает место принципу “делания денег” все равно на чем, - будь то рэкет, проституция, торговля наркотиками. Университетами молодежи становятся челночный “туризм” и торговля в киосках. Цвет молодежи занят в многочисленных частных охранных службах, которые зачастую тесно переплетаются с криминальными структурами. Жалкое положение науки влечет за собой “утечку мозгов” за рубеж. В науку перестало поступать молодое пополнение, - увеличивается разрыв между поколениями, гибнут научные школы. В менталитете бизнеса все более возрастает ценность обогащения через финансовые спекулятивные операции и падает ценность творческой предпринимательской деятельности. На этом фоне разрушается ценность личностных и семейных отношений, усиливается ориентация на быстрый сиюминутный успех, расточительное потребление. Разрушаются ценности культуры, традиций, истории и патриотизма. В итоге происходит общая дегуманизация социума.

Обращаясь к корням западного коммунитаризма мы с некоторым удивлением замечаем подобные же тенденции моральной деградации общества и в развитых странах, прежде всего, в Соединенных Штатах Америки. В предисловии к английскому изданию своей книги один из основателей коммунитаризма современный американский социолог А. Этциони пишет: “Конечно, Соединенное Королевство еще не достигло уровней моральной анархии и разрушения социальных институтов, которые мы наблюдаем в Соединенных Штатах, но тенденции “ориентированы на Запад”. Растет число насильственных преступлений, правонарушений, злоупотребления наркотиками, случаев, когда дети становятся убийцами и не проявляют признаков раскаяния, и, разумеется, политической коррупции, - это индикаторы опасных тенденций. Не столь важно, новыми или старыми являются эти знамения или, что в других обществах дело обстоит еще хуже, важно то, что по любой шкале отсчета эти индикаторы социальной болезни показывают значения слишком высокие для цивилизованного общества. Самое подходящее время для укрепления моральных и социальных основ наступает не тогда, когда они уже рухнули, но тогда, когда они еще только начинают давать трещины” [5, x-xi].

Он отмечает, что коррупция настолько широко распространилась в высших эшелонах власти США, в том числе и в Конгрессе, что большинство решений принимается исключительно в

частных интересах мощных групп влияния и проталкиваются щедро оплачиваемым лобби. В то же время долгосрочные интересы нации, не отвечающие частным интересам этих групп, задвигаются в долгий ящик [5, с.218].

Опросы общественного мнения показывают, что 46% американцев уверены в том, что значительная часть официальных лиц мошенничает, 54% считает, что за последние десятилетия уровень этики и честности резко понизился, 59% считает, что власти не интересует мнение народа.

Резко пошатнулся моральный уровень бизнеса: “Спекуляции, воровство, кумовство, взяточничество, использование в своих частных целях средств корпораций привели к тому, что многие сберегательные и кредитные компании, банки, страховые компании, пенсионные фонды находятся на грани банкротства. Доверие общественности подорвано. Это в свою очередь наносит ущерб эффективности национальной экономики. Дерегулированные авиалинии снизили уровень безопасности и ведут себя как монополисты. Фармацевтические компании продолжают выбрасывать на рынок препараты и устройства, такие как имплантируемые силиконовые протезы - груди, синтетические сердечные клапаны и датчики ритма, которые давно уже признаны небезопасными для здоровья [5, с.28-29].

Обследования установили массовые симуляции болезни на работе. В том, что они применяли насилие против других лиц, признались 69% американцев, 25% опрошенных были бы согласны покинуть свои семьи ради денег, а 7% открыто заявляют, что убили бы человека, если бы им достаточно за это заплатили [5, с.27].

Все это симптомы крайнего неблагополучия, свидетельствующие о кризисе либеральной доктрины. Как отмечает А. Этциони, “моральным наследством восьмидесятых годов (периода расцвета либерализма) было распространение анализа “затраты - результаты” на сферы, в которых ему не должно быть места. Он обесценил такие сущностные категории как жизнь, товарищество и общность, которые не могут быть объектами поверхностной квантификации” [5, с.27].

“Ни одна экономика, восклицает он, не может преуспеть там, где над всем доминирует алчность, так что лишь немногие могут сохранить мотивацию к долгосрочным инвестициям, а высший успех выпадает на долю тех, кто предпочитает конструктивному предпринимательству финансовые спекуляции” [5, с.29]. Итак, истоком современного коммунитаризма является кризис либерализма. Ниже мы попытаемся разобраться в том, как и почему либерализм оказался не в состоянии дать ответ на вызовы конца XX - начала XX1 века и каковы в этом отношении перспективы коммунитаризма.

## II. Системообразующие элементы коммунитаризма

Коммунитаризм, как идейное течение, характеризуется очень широким спектром последователей. Его исповедуют американские коммунитаристы, такие как А. Макинтер и К. Лаш (так называемый высокий коммунитаризм, ставящий целью создание теории преобразования общественных отношений) и А. Этциони ("низкий” или “приземленный” коммунитаризм, стремящийся к прагматическому совершенствованию существующих порядков). Идеи прагматизма находят отклик в самых разнообразных политических кругах. В Великобритании на языке коммунитаристов часто выступают как Тони Блэр из Лейбористской партии, так и Дэвид Уиллет (консерватор) или Пэдди Эшдоун (лидер либеральных демократов). В Германии коммунитарные идеи сквозят в выступлениях премьер-министра земли Саксония Курта Биденхофа (ХДС), мэра Кельна Норберта Бургера (социал-демократ) и одного из идеологов социал-демократии Гомеса Мейера, а также Иошки Фишер (лидера “зеленых”). Во Франции взгляды близкие к коммунитариям высказал Жак Делор. В США сочувствие коммунитаризму выразили не только Билл Клинтон и Альберт Гор, но и Ламер Александер и Донен Кемп [5, 1].

Естественно, что при таком широком спектре движение коммунитаризма приобретает расплывчатый, размытый и противоречивый характер. Из его идейного багажа делаются иногда прямо противоположные выводы - от признания необходимости укрепления роли государства до необходимости защиты социума от его чрезмерного вмешательства.

Однако, обзор, сделанный недавно А. Громыко в кандидатской диссертации [6], позволяет выделить некоторый набор общих принципов, позволяющих объединить взгляды сторонников

коммунитаризма в некоторую общую систему. К таким системообразующим элементам, на мой взгляд, относятся:

1. Критика свободной рыночной экономики. Критическое отношение к “открытому обществу” Карла Поппера.
2. Признание того, что развитие отдельного человека бессмысленно рассматривать в отрыве от развития социальной среды.
3. Признание возможности сосуществования разных цивилизаций и необходимости культурной диверсификации.
4. Выдвижение в качестве системообразующего понятия “сообщества”.
5. Отторжение либерального индивидуума и приверженность ценностям сообщества (“коммуны”), как устойчивого объединения людей, связанных общими традициями, историей и моралью.*

……..

* Интересно сопоставить с этим концепцию “корпоративного общества душевного и физического здоровья” академика В.Л. Макарова. Академик поясняет, что принцип корпоративности предполагает корпорацию как “устойчивую общность людей для выполнения существенной (главной) жизненной цели... Главное, чтобы эта общность была устойчивой, чтобы люди ощущали себя в ней комфортно, чтобы их тянуло проводить здесь свое время, рабочее и нерабочее. И чтобы цели корпорации были однонаправленными с индивидуальными целями ее членов” [7, с.55].

……..

Провозглашение важнейшей роли моральных норм в противовес либеральной доктрине, выдвигающей на первый план экономическую рациональность. Тем самым восстанавливается социальная значимость ценностно-рационального поведения, которая в концепциях либерализма была оттеснена на задний план Выдвижение концепции “общества совладельцев”, которая рассматривает современную корпорацию не как машину исключительно для производства прибыли акционерам, а как социальный институт, защищающий гармонизированные интересы акционеров, менеджмента и персонала.

Анализ системы взглядов коммунитариев следует вести, как мне кажется, по трем главным направлениям. Во-первых, в направлении развития древнего спора между коллективизмом и индивидуализмом. Во-вторых, в направлении изучения взаимосвязи между экономикой и социальной сферой. В-третьих, в направлении анализа общественных отношений адекватных новым производительным силам, создающимся на рубеже XX1 века.

Развитие событий в постсоветской России может служить прекрасной иллюстрацией к тому, насколько разрушительны последствия принятия на вооружение доктрины, неадекватной реальности, и в то же время, позволяет проверить основные принципы альтернативной доктрины.

### III. Древний спор между индивидуализмом и коллективизмом

Истоки спора между индивидуализмом и коллективизмом теряются во мгле глубокой древности на рубеже разложения родового строя и становления частной собственности. Суть спора в том, является ли главным ориентиром для человека его собственное выживание и благополучие, а род, семья, община, государство, народ служат лишь инструментами для обеспечения этого. Или, наоборот, коллективные ценности доминируют, и человек, как личность, должен служить интересам семьи, рода, нации, государства. Интересы человека удовлетворяются как его частные, личные здесь и сейчас или его интересы связаны только с интересами народа, простираются назад в глубину истории народа, т.е. лежат там, где находятся могилы предков, простираются далеко вперед, туда, где будут жить потомки. Является ли народ простой механической совокупностью ныне живущих, как камни на морском берегу, или это лес, живая экосистема, где каждое дерево опускает корни в почву и сплетает свои ветви с ветвями других

деревьев и приходящие на смену новые поколения берут истоки своей жизненной силы из почвы, созданной поколениями, которые им предшествовали. Короче говоря, “моя родина там, где мои деньги и где мне хорошо” или “моя родина там, где могилы моих предков и где будут жить мои потомки”.

Известное высказывание Протагора из Абдеры (481-411гг.) о том, что “... человек есть мера всех вещей, существующих, как они существуют и не существующих, как они не существуют” оставляет много степеней свободы для толкования. Его можно понимать в антропоцентрическом смысле, где человек есть собирательное понятие для всего человечества, и тогда оно означает, что человек постигает мир, пропуская его через свое сознание и соизмеряя его со своей телесной и духовной сущностью. Или в эгоцентрическом смысле, предполагающем, что отдельная личность смотрит на мир с точки зрения его использования для своего личного благополучия и выживания.

Карл Поппер [3] ставит почти что знак равенства между стадом, племенем и обществом, в котором доминирует коллективизм. Для западной общественной мысли характерно отождествление коллективизма с казармой, милитаризмом или тоталитаризмом, а индивидуализма - со свободой, гарантирующей людям полное развитие их творческого потенциала.

На самом же деле такие представления не обязательно являются адекватными. Существует целый спектр различных понятий, таких как тоталитаризм, коллективизм, конформизм, альтруизм, индивидуализм, нонконформизм, плюрализм, эгоизм, которые зачастую не пересекаются, а иногда могут давать самые разнообразные сочетания. Так вполне можно себе представить коллективный эгоизм или индивидуалистический альтруизм, конформистский или нонконформистский коллективизм, конформистский или нонконформистский индивидуализм (в первом случае индивидуум обеспечивает свои личные интересы безоговорочным внешним конформизмом), плюралистический или же тоталитарный коллективизм и т. п.

Однако, человек смертен и ограничен в своих индивидуальных силах. Любая попытка найти цель своего существования в себе самом и из себя самого неизбежно связана с формированием сознания “бабочки - однодневки”. Лауреат Нобелевской премии писатель Юкио Мисима сказал как-то, что для того, чтобы полноценно жить, молодой самурай должен знать, за что он должен умереть. С ним перекликается Антуан де Сент-Экзюпери: “Когда мы связаны с нашими братьями общей целью, которая находится вне нас, только тогда мы живем, и опыт показывает нам, что любить - это не значит смотреть друг на друга, но значит вместе смотреть в одном направлении” [8].

На мой взгляд, противопоставление индивидуализма коллективизму, в особенности, если первый односторонне отождествляется со свободой, а второй - со стадом или казармой, не слишком плодотворно. Более правильным представляется вопрос об интегрирующих механизмах общества и хозяйства. Оставим в стороне экономические робинзонады или “свободного дикаря”, но в любом случае будем исходить из необходимости координации действий людей, в особенности в экономической деятельности в условиях разделения труда. Возникает вопрос, должен ли механизм координации быть автоматизированным и формальным или должен включать неформальные и сознательные элементы? Является ли он встроенным в функционирование общественных (в особенности хозяйственных) элементов или выступает в качестве “внешнего дополнения”? Несколько далее я постараюсь рассмотреть эти вопросы, а пока вернемся к проблеме “открытого общества” Карла Поппера.

## IV. “Открытое общество” Карла Поппера

Концепция “открытого общества” едва ли не центральный пункт в либеральной доктрине. Ее зеркальным отражением в сфере экономики является “экономикс”, с ее моделью общего равновесия в условиях совершенной конкуренции и благосостояния по Парето. По поводу “экономикс” высказано уже достаточно критики, но несколько ниже мы к ней еще вернемся. Более подробно займемся открытым обществом.

Предоставим слово самому Попперу: “...магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать закрытым обществом, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения - “открытым обществом”. И далее: “Закрытое общество

сходно со стадом или племенем в том, что представляет собой полу органическое единство, члены которого объединены связями, родством, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами. Это - все еще конкретная группа конкретных индивидуумов, связанных друг с другом не только такими абстрактными социальными отношениями, как разделение труда и обмен товаров, но и конкретными физическими отношениями типа осязания, обоняния и зрения" [3, m. I, c. 218].

Иллюстрируя свойства "открытого общества". Поппер приводит идеальную модель некоторого "абстрактного общества", в котором люди связаны не только чисто формальными отношениями (имеются ввиду прежде всего отношения купли - продажи), но и никогда не встречаются друг с другом лично, общаясь только с помощью современных средств связи и передвигаясь в одиночку в личном транспорте, - "...мы очень близки к тому, как если бы это делали, мы не устанавливаем, как правило, никаких личных контактов со встретившимися нам пешеходами. Аналогичным образом членство в профсоюзе может означать не более чем обладание членской карточкой и уплату взносов неизвестному секретарю...", "большинство социальных групп современного открытого общества (за исключением некоторых счастливых семейных групп) являются не более чем суррогатами, поскольку они не создают действительных условий для реальной жизни. И многие не обладают реальной функцией в жизни общества в целом"... "...наши современные общества функционируют в основном при помощи абстрактных отношений - таких как обмен или информация".

Параллельно с концепцией "открытого общества" Карла Поппера существует концепция "расширенного порядка" Фридриха Августа фон Хайека. Автор концепции исходит из понятия "рассеянного знания", предполагающей, что каждый индивидуум обладает знаниями в своей области, объем которых превышает возможности получения адекватной агрегированной информации, сконцентрированной в каком-либо центре. Следовательно, объединить и осознанно использовать это знание невозможно. Но за тысячелетия своего существования человечество сумело выработать безликие формальные процедуры и принципы, позволяющие тем не менее эти знания использовать. Эти процедуры позволяют через длинные цепочки взаимодействий объединять усилия и знания людей, далеко отстоящих друг от друга, никогда друг друга не знавших и даже не подозревавших о том, что между ними устанавливается координация действий. Люди не в состоянии даже осознать рациональность существующих принципов и процедур. Центром "расширенного порядка", его опорной конструкцией является рыночный механизм, основанной на частной собственности, цене и прибыли.

Любое вмешательство в " расширенный" порядок недопустимо: ни в его функционирование, ни в его формирование. Это есть по Хайеку "пагубная самонадеянность", поскольку сознательная деятельность человека никогда не может сравняться по мощности с действием бессознательного механизма "расширенного порядка", за тысячелетия спонтанным образом пришедшего к процедурам использования "рассеянного знания". Люди не знают и в принципе никогда не смогут научиться узнавать отдаленные последствия своих действий.

Идеально функционирующему "расширенному порядку" угрожают две силы: это социализм, пытающийся внести планово - сознательный элемент в построение общественных отношений и функционирование общества, и традиционализм, пытающийся заменить или дополнить правила "расширенного порядка" локальными правилами и процедурами, основанными не на принципе универсализма, а на принципе партикуляризма, т.е. действующими с учетом личностных связей, традиций, симпатий, семейных и дружеских уз, необходимости помощи слабому и т.п. Они уводят результат функционирования "расширенного порядка" от оптимизма и порождают бедность.

Ф.А. фон Хайек в своей известной книге "Пагубная самонадеянность" прежде всего декларирует, что "возникновение нашей цивилизации и сохранение ее в дальнейшем зависит от феномена, который можно точнее всего определить как "расширенный порядок человеческого сотрудничества" - порядок, чаще именуемый, хотя и не вполне удачно, капитализмом" [9, с.13].

Он пишет: "...система ценообразования при рыночном обмене заставляет нас действовать под влиянием обстоятельств, нам практически не известных и могущих порождать результаты,

нами вовсе не планировавшиеся. Занимаясь экономической деятельностью, мы не знаем ни потребностей других людей (потребностей, которые мы удовлетворяем), ни источников получения нами благ... Все это становится возможным благодаря тому, что, подчиняясь определенным правилам поведения, мы вписываемся в гигантскую систему институтов и традиций: экономических, правовых и нравственных. Мы никогда не создавали их, и мы никогда их не понимали - в том смысле, в каком нам понятно предназначение изготовляемых нами вещей"[9, с. 29].

По Хайеку солидарность, альтруизм, групповое принятие решений (читай, "коллективизм") с вытекающими из них обычаями являются не вполне подходящими для поддержания нашего нынешнего "расширенного порядка" и нынешней численности населения. В то же время, "существуют благоприобретенные нравственные правила (бережливость, уважение к собственности, честность и т. д.), создавшие и поддерживающие расширенный порядок" [9, с. 29].

"На рынке (как и в других институтах нашего расширенного порядка) непреднамеренные следствия имеют первостепенное значение: распределение ресурсов производится безличным процессом, в ходе которого индивиды, действующие в своих собственных целях (зачастую довольно расплывчатых), без преувеличения, не знают и не могут знать, каков же будет конечный результат их взаимодействия" [9, с.125]. "Наиболее разрушительным употреблением прилагательного "социальный", когда смысл определяемого им слова разрушается полностью, является используемый практически всеми оборот "социальная справедливость" [9, с.202].

Итак, несмотря на то, что концепция "открытого общества" Поппера исходит из принципа целерационального действия и отказа от всевозможных запретов ("табу"), налагаемых традиционалистским обществом, а фон Хайек, наоборот, ратует за непостижимость непогрешимых законов "расширенного порядка" и рынка, их учения быстро конвергируют в том направлении, что допускают возможность и более того оптимальное функционирование некоего безликого автоматически крайне формализованного механизма, где принятие решений индивидуума осуществляется на основе четко заданных правил и где исключается возможность контроля со стороны членов общества за последствиями их действий, а, следовательно, по большому счету, и их настоящая ответственность. Это общество хаотически движущихся "броуновских частиц", из случайных соударений которых создается макросостояние общества. Все, что не поддается формальным процедурам, не может быть количественно измерено и оптимизировано исключается из рассмотрения, а может быть и из реальности. Совершенно не очевидно, почему эти формализованные субъекты действия должны принимать "индивидуальные решения", если их поведение запрограммировано жестким автоматическим механизмом "расширенного порядка" или "открытого общества". Не очень ясна в этом смысле и степень свободы, которой они пользуются.

Обе концепции внутренне противоречивы - с одной стороны индивидуум принимает решения единолично, но с другой стороны его частное воздействие на общий процесс равно нулю. Личность лишается возможности общественного воздействия с одной стороны и личностных взаимосвязей с другими людьми - с другой. Творцы концепций хотели получить гражданское общество равных возможностей, а получили массовое общество, крайне легко поддающееся манипулированию. Не случайно по фон Хайеку прилагательное "социальное" является "самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике" [9, с.197]. По сути дела социальная сфера у них исчезает за ненадобностью (о ее действительном значении мы поговорим ниже).

Можно выдвинуть много возражений против этих концепций, в частности то, что они никогда не реализовались в чистом виде. Но, к сожалению, они все же реализуются и последствия этого не самые благоприятные. Во-первых, освобожденная от всего личность приобретает нулевую значимость, а из суммы нулей нельзя получить, как известно, ничего кроме нуля. Такое бесструктурное общество не только не может служить основой демократии, но и, наоборот, составляет прекрасную питательную среду для тоталитарных идеологий и движений.

Во-вторых, сведение отношений между индивидуумами к чисто формальным процедурам приводит к дегуманизации человека, - он перестает видеть в другом себе подобного.

Дегуманизация - питательная среда криминальных структур. Привыкшие видеть в другом лишь формальный объект формируют ряды солдат и "шестерок" бандформирований, способных с беспредельной жестокостью выполнять приказы своих капо и крестных отцов.

Наконец, кланы, клики, мафиозные организации приобретают в этом обществе исключительную силу. Они спаяны внутренними личностными связями и основанной на них жесткой дисциплине, а им противостоит общество “нулей”. В результате, масса “нулей”, напуганная до озверения хаосом и беспорядком, бежит под крыло сверхмафии, подобной нацистскому или фашистскому движению, под защиту сильных личностей, “единиц”.

Фон Хайек утверждает, что “расширенный порядок” зиждется на честности, но откуда взяться честности, если личностные отношения элиминированы и заменены личной выгодой? Может быть эти сложные построения “открытого общества” и “расширенного порядка” вовсе излишни и все дело сводится к тому, что “Там, где буржуазия достигла господства, она разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Она безжалостно разорвала пестрые феодальные связи, прикреплявшие человека к его естественным повелителям и оставила между людьми только одну связь - голый интерес, бессердечный “чистоган”. Она утопила в ледяной воде эгоистического расчета священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных, скрепленных грамотами и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли”, как это говорилось в Коммунистическом манифесте еще более чем сто лет назад [10, с.155].

Кстати говоря, никто и никогда еще не мог доказать, что системы типа “расширенного порядка” всегда сходятся к оптимуму, и что распределение произведенного продукта будет соответствовать интересам всех членов общества или хотя бы его подавляющего большинства. Почему общий рост производимых благ не может сопровождаться ростом богатства на одном полюсе и нищеты на другом?

Теории К.Поппера и Ф. Фон Хайека, хотя и отрицают возможность познания законов истории, но, по существу, так же как и формационная теория исторического материализма являются теориями стадийного развития, только с обратным знаком. Теория исторического материализма считает, что человечество последовательно проходит формации от утверждения частной собственности к коллективизму и общественной собственности, К.Поппер же и А. фон Хайек полагают, что с такой же неизбежностью мир идет к универсальному обществу господства частной собственности и индивидуализма.

На мой взгляд, более плодотворен цивилизационный подход, предполагающий возможность сосуществования разных цивилизаций, с разными социально - экономическими культурами, в которых различны системы ценностных ориентаций, различен удельный вес коллективизма и индивидуализма, конформизма и нонконформизма, материальных и нематериальных ценностей, разных форм собственности. На разных этапах развития производительных сил разные цивилизации адаптируются к ним по-разному, но некоторые из них имеют на том или ином этапе развития свои преимущества.

## V. Проблема целостности мира и свободной воли в приложении к целостности общества

Выше мы уже ставили вопрос о механизмах, интегрирующих общество и экономику, как его подсистему. Физики по своему отвечают на вопрос о целостности материального мира. Но поскольку нас интересует вопрос о том, как множество разнонаправленных интересов интегрируется в единую целостную систему, именуемую обществом или народным хозяйством, в особенности, если все субъекты этого хозяйства действуют исключительно в своих личных интересах и не особенно задумывается об отдаленных последствиях своих действий, мы обратимся к теологии, для которой мир представлялся, как взаимодействие разнообразных одушевленных сил, обладающих свободой воли[1]. Мне представляется, что эта проблема достаточно четко выражена у Оригена, христианского мыслителя древнего мира (185-254гг.)*

……

* Ориген, один из “отцов церкви”, осужден как еретик в VI веке при личном участии императора Юстиниана. В 553 году пятый Вселенский собор предал его анафеме, которая подтверждена шестым и седьмым соборами.

……

“Бог неизреченным искусством Своей Премудрости все, что происходит в мире, обращает на общую пользу и направляет к общему преуспеянию (бытия); те самые твари, которые настолько удалились друг от друга вследствие разнообразия душ, Он приводит к некоторому согласию в деятельности и желаниях, чтобы они, хотя и различными движениями своих душ, но все таки работали для полноты и совершенства единого мира и чтобы самое разнообразие умов служило к достижению одной общей цели; единая сила связывает и содержит разнообразие мира и из различных движений образует одно целое; иначе столь великое мировое дело распалось бы вследствие разнообразия душ. И поэтому мы думаем, что Отец всего, Бог, для блага всех своих Тварей, неизреченным разумом Своего Слова и Премудрости так управляет этими различными существами, что отдельные духи или души - словом все различные субстанции, как бы их мы не называли, не принуждаются силою делать, вопреки своей свободе то, что не согласно с их собственными побуждениями, и у них, таким образом, не отнимается способность свободной воли. В противном случае, у них было бы изменено, конечно, уже самое качество их природы. При этом различные движения их воли искусно направляются к гармонии и пользе единого мира; так одни существа нуждаются в помощи, другие могут помогать, иные же возбуждают брани и состязания против преуспевающих - и все это затем, чтобы в борьбе лучше обнаружилось усердие этих последних, а после победы надежнее сохранялось состояние, приобретенное ими путем затруднений и страданий” [11, с. 95].

Удивительно современно читается этот текст, и если заменить в нем богословские понятия современной экономической терминологией, то чем это не преамбула к инструкции по построению современной смешанной экономики, в которой направляющая роль государства обеспечивается гибкими и косвенными методами (экономическими рычагами) при сохранении за субъектами экономики свободной предпринимательской инициативы поощряемой введением состязательности.

В системе Оригена существуют:

1. Конструктор, который в Премудрости Своей обеспечил существование поля деятельности свободно принимающих решения объектов.
2. Не стесняя их воли, построил систему ограничений, сдержек и противовесов, обеспечивающих координацию их усилий, направленную к сохранению целостности этого поля (мировоззрения).
3. Ввел в систему конкуренцию, дабы поощрить личную инициативу.
4. Осуществляет контроль и текущее регулирование, подчиняющие действия субъектов единому долгосрочному стратегическому замыслу.
5. В систему введено также необходимое разнообразие, обеспечивающее лучшее функционирование автоматического и дискретного регулирования.

Но, - и это самое главное, интегрирующий механизм существует в виде внешнего дополнения к системе, назовем его Премудростью Господней, Провидением или "невидимой рукой". Через 15 веков после Оригена германский социолог и экономист Макс Вебер также задается вопросом о том, что является внешним дополнением к системе современного капитализма, побуждающим ее к производственной экспансии. Стремление к наживе и увеличению богатства существовало всегда, принимая формы прямого военного грабежа, торговли или ростовщичества, но лишь при определенных условиях и в определенную эпоху дало старт эре невиданного технического прогресса.

“Повсюду, где государственные учреждения нуждались в денежных средствах, появлялся заимодавец... Он финансировал войны и морской разбой, всевозможные поставки и строительство при освоении заморских владений, выступал в качестве колонизатора, плантатора, использующего

труд рабов или рабочих..., получал на откуп домены, должности и в первую очередь налоги, финансировал вождей партий, чтобы они могли быть избраны ( курсив мой, - Г.П.), и кондотьеров, чтобы они могли вести гражданские войны. И, наконец, заимодавец выступал в качестве "спекулянта" во всевозможных денежных операциях. Представители такого рода предпринимательства - капиталистические авантюристы ( курсив М.В.) существовали во всем мире[2]. Их шансы на успех (вне торговли и кредитных операций) либо носили чисто иррационально - спекулятивный характер, либо были ориентированы на насилие, прежде всего на добычу...". "Однако, наряду с этим типом капитализма известен и другой, нигде более не существовавший, - рациональная капиталистическая организация свободного (курсив М.В.) (формально) труда"[12, с. 44-45].

Макс Вебер выдвигает гипотезу, согласно которой на определенном этапе развития второй, производительный тип капитализма получил преимущественное распространение вследствие жесткого этического ограничения, наложенного на первый тип капитализма. Это ограничение возникло со стороны протестантизма и выразилось в виде особого типа отношения к миру и мирскому, к служению Богу, который нес протестантизм. Вебер называет это доктриной мирской аскезы. Именно она послужила интегрирующим элементом системы капитализма в период его становления. Он не утверждает, однако, что распространение протестантской этики послужило причиной становления производительного промышленного капитализма, скорее она сыграла роль инициатора процесса и явилась условием его стремительного развития.

Исходным пунктом понятия мирской аскезы явилось предписание Бога: "Трудитесь в поте лица на стезе своей".Поскольку протестантизм отвергал монастыри и монашество, труд в миру выбирался в качестве специфической превентивной меры против всех искушений, более того труд как таковой превращался в поставленную самим Богом цель всей жизни человека. Главным и самым тяжким грехом объявлялась бесполезная трата времени.

Мартин Лютер впервые использовал в мирском понимании термин "призвание" (Beruf, calling), обозначая этим профессию. Таким образом, следование профессиональному долгу становится богоугодным делом. И богатство не освобождает от труда. "Имущий также да не ест, если он не работает, ибо, если он и не нуждается в работе для удовлетворения своих потребностей, это не меняет того, что заповедь Божья остается в силе, и он обязан блюсти ее так же, как соблюдает ее бедный" [12, с.188].

Вместе с тем, распределение людей по существующим сословиям и профессиям в соответствии с объективным историческим устройством общества является прямой эманацией божественной воли (см. выше у Оригена - Г.П.), а пребывание каждого человека на своем месте в рамках, установленных для него Богом, превращается в религиозный долг. В качестве следствия выполнения профессионального долга богатство не только морально оправдано, но даже предписано. Оно является подтверждением полезности профессии, - "доходность" служит наиболее важным критерием этой полезности.

Вебер цитирует религиозного деятеля эпохи Кромвеля и Реставрации Ричарда Бакстера: "Если Бог указует вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим (устанавливается ограничение! - Г.П.), законным способом заработать больше, чем на каком - либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания (calling), вы отказываетесь быть управляющим (steward) Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо ему, когда Он того пожелает. Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть [12, с.190-191] (курсив М.В.).

С другой стороны (по Кальвину), ... "представитель мирской аскезы должен обладать известной счастливой ограниченностью и не проявлять интереса к вопросу о "смысле" мира. Поэтому не случайно мирская аскеза возникла именно в кальвинизме с его верой в абсолютную непознаваемость мотивов божественных решений, к которым неприложим человеческий масштаб. Мирской аскет по своей природе - прирожденный "профессионал", который не задается вопросом о смысле своих занятий в миру (и не считает это нужным - ведь ответственность за мир несет не он, а его Бог), ему достаточно сознания, что в своей рациональной деятельности он выполняет

Волю Божью, глубочайший смысл которой остается для него непостижимым" [13, с.207]. Это понимание представляется очень близким к Оригену в том смысле, что предполагает Волю Божью в качестве "внешнего дополнения" к обществу и хозяйству, гарантирующего его интегрированность. В то же время отсюда уже недалеко до "невидимой руки" Адама Смита. Вместе с тем, концепция обосновывает индивидуализм субъектов хозяйства, связанных между собой четко ограниченными формально - профессиональными предельно рационализированными отношениями, стержнем которых является извлечение прибыли (хотя и в рамках дозволенной законности). Выйти за рамки этих отношений они не могут, поскольку они не обязаны предвидеть более отдаленные последствия своих действий, и, более того, попытки осмысленными коллективными действиями способствовать осуществлению замыслов Господа - синергизм - представляется в силу непостижимости последних предосудительным и отвергается.

Остается, однако, вопрос, как быть с социальным неравенством? Ведь только немногие избраны Богом в качестве "управляющих богатством". Этот вопрос решается протестантской этикой с поразительной откровенностью, - бедный тоже должен работать, причем добросовестно, даже при низкой оплате, поскольку ему жизнь не предоставила иных возможностей заниматься деятельностью угодной Богу [13, с.203].

В то же время эта доктрина "видела в стремлении к богатству, как самоцели, вершину порочности, а в богатстве как результате (курсив М.В.) профессиональной деятельности - Божье благословение. Аскетическая сторона доктрины призывала к ограничению потребления, которое в сочетании со стремлением к наживе служило идеальным идеологическим обоснованием накопления капитала посредством принуждения к аскетической бережливости. Ставя ограничения на пути потребления нажитого богатства, доктрина направляла его к производительному использованию в качестве инвестируемого капитала.

Таким образом, протестантская этика давала обоснование предпринимательской деятельности, эксплуатации, инвестированию и подготовки трезвой и добросовестной рабочей силы.

Но уже сам М. Вебер признавал, что к его времени "дух аскезы ... ушел из этой мирской оболочки" [13, с.206]. Еще более это относится к обществу массового потребления. Дух наживы, тем не менее, сохранился и непомерно усилился. Макс Вебер замечает: "В настоящее время стремление к наживе, лишенное своего религиозно - этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной" [13, с.207]. Это высказывание вполне сопоставимо с современными сетованиями Амитаи Этциони (см. выше).

И Макс Вебер горестно спрашивает себя: "не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то к "последним людям" этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: "Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы - и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее недоступной ступени человеческого развития" [13, с.207]. Мы видим, что мир индивидуализма и "открытого общества" нуждается в сильнейшей религиозной подпорке, "внешнем дополнении", без которого снимаются все ограничения и в качестве итога моральной деградации может последовать и деградация материальной культуры с неминуемым реваншем спекулятивно - авантюристической формы капитализма над капитализмом производительным.

Противоположностью протестантской этики представляется восточная этика, примером которой может служить японская, условно, "самурайская этика". На самом деле эта этика распространялась не только на класс самураев, но влияла на все сословия и до сего дня оказывает влияние на менталитет японцев. Более того, если класс самураев эпохи Токугава, как военное сословие, с презрением относился к хозяйственной жизни, то, получив распространение и отклик в других сословиях, этика самураев оказала сильное влияние на становление капитализма в Японии и сегодня еще дает возможность некоторым исследователям выделять Японию в особый тип экономической культуры современного капитализма [13]. Эти отличия менталитета и экономического поведения, свойственные японскому типу культуры, не могут быть, разумеется, достаточно полно отражены в данной работе. Остановимся лишь на главных чертах просто для

того, чтобы показать отличие принципов протестантской этики от японской (ниже мы еще раз вернемся к проблеме сопоставления культур). При внешнем сходстве основных принципов хозяйственной этики протестантской и японской экономической культуры (честность, бережливость, трудолюбие, служение) их глубинная подоплека сильнейшим образом отличается. Японская этика сложилась как синтез мировоззрений синтоизма (с центром в культе местных богов и предков), дзен буддизма (с учением о бесконечной цепи перерождений и статусом в жизни, обусловленном предыдущими жизнями) и конфуцианства (с почитанием иерархических структур, старших, с приданием важного значения личностным, в первую очередь, семейным и родовым отношениям).

В японской системе механизма, интегрирующего мир, отсутствует личностный Бог, как центральный координатор, “невидимая рука”. Вместе с тем, чувство уязвимости от природных катастроф, этническая однородность, древняя привязанность к возделыванию культуры риса, требовавшего коллективных усилий деревенской общины, способствовали выработке у японцев группового сознания или, как еще его называют некоторые исследователи, “японского группизма”, составными элементами которого являются приоритетность интересов группы перед интересами индивида, склонность к компромиссу и конформизму во имя сохранения целостности группы, стремление добиваться консенсуса при выработке решения, активное стремление каждого индивидуума к координации своих усилий с усилиями членов группы, причем эта способность к работе в режиме единой команды ценится выше, чем индивидуальные способности и индивидуальный успех, более того, каждый индивидуум испытывает потребность в отождествлении себя с какой-либо группой и в покровительстве с ее стороны. Известный исследователь социальной психологии японцев Сугияма-Лебра отмечает особую склонность к групповому взаимодействию, выработавшуюся на протяжении веков вследствие традиции скученного расселения в легких домиках с бумажными перегородками, что проявляется в возможности невербального общения, способности понять друг друга, сопереживать и взаимодействовать без словесного контакта [14, с.38-39, 47-48].

В ходе междоусобных войн, потрясавших Японию на протяжении четырех с половиной веков, на основе идеологии группизма, родившейся в глубинах крестьянских масс, под сильнейшим влиянием дзен буддизма, возникла рыцарская мораль самурайства - кодекс бусидо. Центральное место в нем заняло чувство долга - “гири”, которое предполагало постоянную готовность принести в жертву себя, детей, родителей ради верности сюзерену. Конфликт между долгом - “гири” и чувствами - “ниндзё” всегда должен был решаться в пользу долга. Вместе с тем, культивировалась настойчивость в достижении цели, постоянное совершенствование, закалка души и тренировка тела. Виртуозное владение мечом и луком предполагало длительное и упорное овладение мастерством. Сохранились записи о молодом мужчине, который на храмовом празднике, стреляя непрерывно, выпустил более 40 тыс. стрел, три четверти которых попали в цель. Основой отношений самурая с сюзереном было служение. Последнее являлось высшим долгом самурая. Содержание слуг считалось нравственным долгом господина, а не его милостью по отношению к ним [15, с. ].

Вся система отношений в обществе рассматривалась в традиционной японской этике, как совокупность социальных ниш (ролей, судеб) “бун” и индивидуумов, которые могли их занять. Если все роли были заполнены и каждый исполнял ее как служение долгу, общество считалось находящимся в состоянии гармонии.

Вновь эта концепция напоминает протестантскую этику, но в ней отсутствует внешнее координирующее дополнение, скорее, все участники должны были сами, стремясь к взаимодействию, добиваться общей гармонии целого. Эта этика, которой и после Мэйдзи была проникнута хозяйственная жизнь страны, легла в основу известной японской системы менеджмента, основанного на коллективизме и патернализме. Экономический успех Японии после Второй мировой войны показывает, что групповая и коллективистская мораль может в не меньшей степени, чем протестантский индивидуализм служить основой современного экономического развития.

## VI. Неправильно понятый Адам Смит

Краеугольным камнем доктрины либерализма является концепция “невидимой руки” Адама Смита. Она настолько вошла в арсенал либеральной экономической мысли, что стала восприниматься как аксиома, как универсальный экономический закон. Однако, более подробный анализ показывает, что это не так. На самом деле, никакой разработанной универсальной концепции “невидимой руки” у А. Смита нет. Есть два отдельных места, в которых он упоминает о том, что следование людей своим эгоистическим интересам лучше отвечает благосостоянию общества в целом, чем сознательное стремление к цели общего блага.

Первая из них относится к выгодам разделения труда [16, книга 1 “Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами и народами”, гл. 2, О причине, вызывающей разделение труда [с.27-28] - “… человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигает цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий, предлагающий другому сделку какого либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, - таков смысл всякого подобного предложения. Именно таким путем мы получаем друг от друга значительно большую часть услуг, в которых мы нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах”.

Сухой остаток этого отрывка заключается в том, что разделение труда предполагает обмен, а обмен предполагает, что каждый из участников не просто отдает продукт своего труда, а в ответ на получение продукта труда другого участника. Вопрос же о том, как тысячи таких актов обмена интегрируются в единый экономический механизм, а тем более в механизм, оптимизирующий общественное благосостояние, здесь не рассматривается, а тем более не возникает образа “невидимой руки”. Кстати говоря, остается неясным, помешала бы клиенту соседская благожелательность мясника или булочника, равно как она, наверное, не помешала бы и бизнесу этих мелких предпринимателей, на что справедливо обращается внимание Хемпден-Тернером и Тромпенаарс [16].

Вопрос об интегрирующем механизме рассматривается во втором отрывке, глубоко запрятанном в книге IV “О системах политической экономии”, глава 2. Об ограничениях ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут быть производимы внутри страны [16, с.332], он гласит: “И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт обладал наибольшей стоимостью, поскольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не осознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказать поддержку отечественной промышленности, а не иностранной, он имеет лишь свой собственный интерес, а направляя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем когда сознательно стремится сделать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не очень обычны среди купцов, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказаться от них”.

Таким образом, постановка вопроса об интегрирующем механизме у А. Смита является зеркальным отражением постановки проблемы мирового порядка, поддерживаемого “невидимой рукой” Господа, у Оригена. Но в отличие от последнего “невидимая рука” помещается А. Смитом внутрь его рыночного миропорядка и здесь ее основания оказываются шаткими. Действительно, механизм “невидимой руки” базируется у Смита на предположении о том, что “каждый отдельный

человек ... старается употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности". Это не самоочевидно, и для поддержания тезиса А. Смит выдвигает дополнительно следующую "лемму": "... каждый человек старается приложить свой капитал по возможности для вложения его в отечественную промышленность при том неизменном условии, что он может таким путем получить обычную или почти обычную прибыль на капитал. Так при условии одинаковой или почти одинаковой прибыли всякий оптовый купец, естественно, предпочитает торговлю внутри страны внешней торговле для нужд потребления, а внешнюю торговлю для нужд потребления - транзитной торговле" [там же, с.331].

Итак, "лемма" обставляется еще рядом условий, а далее для ее "доказательства" привлекается частный конкретный фактический материал, характерный для эпохи А. Смита, но вряд ли сохраняющий значение для конца XX века. ем самым ближайшее рассмотрение показывает, что концепция "невидимой руки" в ее изначальном авторском варианте отнюдь не являлась аксиомой и не носила универсального характера. Остается еще добавить, что далеко не всегда благосостояние общества определяется величиной его годового дохода, - и это во-первых. Дело в том, что оно в не меньшей степени зависит от характера его распределения и возможно такое распределение, когда при относительно высоком общем доходе степень неравенства такова, что ни о каком благосостоянии подавляющей части населения не может быть и речи.

Во-вторых, доход, как мера благосостояния общества не есть сумма доходов отдельных предпринимателей. Многие виды деятельности, приносящие как раз наиболее высокие доходы, наносят прямой ущерб этому благосостоянию (криминальная или экологически вредная активность, например). Наконец, можно получить высший доход за счет проедания национального благосостояния, что далеко не всегда улавливается статистикой.

С точки зрения современной теории игр экономическая игра может быть игрой как с положительной, так и с нулевой и даже отрицательной суммой. Какой вариант выберет предоставленный самому себе стихийный рынок заранее сказать нельзя, но пример России показывает, что очень легко может быть выбран вариант с отрицательной суммой. Для того, чтобы этого не случилось, нужны институциональные ограничения, закрывающие дорогу этому варианту. А. Смит жил в обществе со сложившейся институциональной структурой и сильной политической властью. Поэтому при рассмотрении интегрирующего механизма он выносил вопрос за скобки. Но на самом деле обеспечить эту сторону экономического развития может только "внешнее дополнение" к рынку, осуществляемое коллективно в интересах выживания всего общества и, как правило, государством.

Наконец, и сам А. Смит в другом месте своего обширного труда рассматривал случай, когда норма прибыли не является "нормальной": "Высокая норма прибыли, как кажется, повсюду уничтожает ту бережливость, которая при других условиях естественна для купца. Когда прибыли высоки, эта трезвая добродетель представляется купцу излишней (курсив мой - Г.П.), расточительная роскошь кажется более соответствующей улучшению положения. Обладатели больших торговых капиталов, необходимо являются вождями и руководителями всей промышленной деятельности страны всякой нации, и их пример оказывает гораздо большее влияние на нравы всей трудящейся части последней, чем пример иного класса. Если предприниматель старателен и бережлив, таким же будет, наверное, и его рабочий, но если хозяин ведет беспорядочный образ жизни и расточителен, то рабочий тоже устроит свою жизнь по образу, даваемому им. Это препятствует накоплению в руках тех, кто, естественно, больше всего расположен к накоплению, а фонды, предназначенные на содержание производительного труда, не получат никакого увеличения из дохода тех, кто должен был бы, естественно, больше всего увеличивать их. Капитал страны, вместо того, чтобы возрастать, постепенно растрачивается, и количество производительного труда, содержимого в ней, уменьшается с каждым днем [16, с. 446-447]. Ну что ж, здесь, наверное, тоже действует некая "невидимая рука", только в несколько ином направлении. Не эта ли "невидимая рука" руководит сегодня экономическими процессами в России.

Кстати говоря, один из основателей современной рыночной теории Альфред Маршалл пишет, что: "Коренным свойством современной индустриальной жизни является не конкуренция,

а ... осмотрительность, вера в собственные силы и вместе с тем быстрота в выборе решений и суждениях; привычка предвидеть будущее и определять курс действий с учетом дальнейших целей. ... Даже созидательная конкуренция менее благотворна, чем идеально альтруистическое сотрудничество", и, отдавая должное конкуренции, как одного из факторов прогресса современного общества, тем не менее предостерегает от ее безусловной абсолютизации [18, с.60-64]. Он предлагает заменить термин "конкуренция" выражением "свобода предпринимательства", одновременно оговариваясь, что свободный выбор "заключает в себе возможность некоторого ограничения индивидуальной свободы, когда сотрудничество или объединение сулят наилучший путь достижения цели [18, с.65].

**VII. Русская философская мысль о коллективизме**

За недостатком места приведем здесь только два высказывания крупнейших русских философов конца Х1Х - начала ХХ века Н.А. Бердяева и В.С. Соловьева, которые тем не менее бросают определенный свет на отношение к проблеме в российском общественном сознании. Обратимся сначала к Н.А. Бердяеву. При общем отрицательном отношении к коммунизму и к советскому государству Николай Бердяев не стоял на позициях западного либерализма. На его отношение к интересующему нас вопросу, пожалуй, наибольший свет может пролить следующий пассаж:

"В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм и в этом его правота (курсив мой - Г.П.). Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности. Буржуазная политическая экономия, выдумавшая экономического человека и вечные экономические законы, считает второй принцип утопическим. Но экономический человек - преходящий. И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека. Одно ясно: проблема эта не может быть лишь проблемой организации общества, она неизбежно есть проблема новой душевной структуры человека, проблема нового человека. ... На проблему перевоспитания коммунизм принужден обратить большое внимание, но у него нет для этого духовных сил. Нельзя создать нового человека и новое общество, объявив хозяйственную жизнь обязательным делом чиновников государства. Это не социализация хозяйства, а бюрократизация хозяйства. Коммунизм в той форме, в какой он вылился в России, есть крайний этатизм" [19, с.151].

Из отрывка следует, что Н. Бердяев не признает незыблемости буржуазных принципов, полагает (в противоположность Попперу) коммунистический, коллективистский принцип более близким к христианскому, а буржуазный принцип и буржуазную собственность прямо таки антихристианской.

С другой стороны он считает, что время осуществления коллективистского принципа еще не пришло, и резко, да, наверное, и справедливо, обрушивается на советское государство за бюрократизацию хозяйства и жестко - иерархический сверхэтатизм. Однако было бы большим упрощением представлять Н. Бердяева в виде сторонника коллективизма. И если он, по-видимому, первым использовал термин коммунитаризм (Бердяев Н.А. "Царство духа и царство кесаря", - в кн. "Судьба России", М., 1990, "Советский писатель", с. 293-326), то у Бердяева "коммюнотарность" - не в качестве синонима или аналога коллективизма, а в виде прямого ему противопоставления. Понимая "коммюнотарность" как общинность, т.е. в его буквальном значении, Бердяев говорит о недопустимости его смешения с коллективизмом. Для него "...очень важно установить различие и противоположность между коллективизмом и коммюнотарностью". Атакуя понятие коллективизма, Бердяев исходит из отрицания существования сверхличных реальностей, таких, как "армия, нация, класс и пр.". Он полагает, что "существуют "коллективные

реальности”, но не “коллективы” как реальности. Для него “коллектив есть не реальность, а известная направленность людей и групп, состояние, в котором они находятся”.

Бердяев более всего боится подавления личности со стороны любой надличностной организации, будь то социальная группа, класс, партия или государство. Поэтому он резко отвергает идею коллективного сознания: “Коллективизм есть ложное состояние сознания, создающее лже-реальности. Мы часто говорим о коллективном сознании, национальном, церковном, классовом и пр., как будто коллективы могут иметь сознание. В действительности это есть выражение метафорическое. Так называемые коллективные реальности не имеют субъективного сознания. Не может быть сознания церкви, нации, класса, но может быть церковное, национальное, классовое сознание людей, группирующиеся в этого рода реальности. Главная особенность так называемых коллективных реальностей заключается в том, что они не имеют экзистенциального центра, не могут страдать и радоваться. Способность к страданию есть главный признак подлинной первореальности. Не может страдать церковь, нация, рабочий класс; страдать могут только люди, входящие в это “сверхличное образование”.

И, пожалуй, самый главный бердяевский, относящийся к этому вопросу тезис, вытекающий из всего его мировоззрения: “В пределах нашего падшего феноменального мира всегда остается невозможность примирить противоположность между общим и частным”. Выбирая между общим и частным, Бердяев становится на сторону частного. Коллективизм начинает представляться ему в качестве деспотической власти общего “коллективного” над частным, индивидуальным. “В коллективизме человек перестает быть высшей ценностью”. И здесь Бердяев как бы примыкает к той части западной мысли, которая рассматривает процесс развития человечества, как прогрессирующий поступательный переход от коллективного сознания к личному [там же, с. 293]. Может показаться, что это находится в сильном противоречии с его критикой экономического человека и с его сближением коммунистического принципа с христианским.

На самом деле он относит понятие “коллективизм” к принципиально другой сфере - к сфере духовной и творческой, где по его мнению недопустимо никакое насилие над личностью или ограничение ее творческой свободы. В сфере же экономической он признает возможность существования общего интереса и, следовательно, возможность ограничений, действующих в хозяйственной жизни, во имя общих интересов: “... часто бывают извращения, отрицается свобода мнения и духа и признается очень большая свобода в жизни экономической. Экономика есть работа духа над материей мира, от которой зависит самое существование людей в условиях этого мира. Абсолютная свобода в экономической жизни, т.е. совершенная ее автономия и была системой “laisser faire, laisser passer”, т.е. капиталистической системой. Она ставит в очень тяжелое положение огромные массы человечества. Это делается источником эксплоатации. Поэтому экономическая свобода должна быть ограничена во имя свободы же” [с. 289].

Для более ясного понимания позиции Н. Бердяева в отношении коммюнотарности - коллективизма необходимо хотя бы вскользь остановиться на понятии свободы, занимающем в философских построениях Бердяева центральное место рядом с понятием “падшего феноменального мира”. Н. Бердяев не дает “свободе” точного определения, а предпочитает операциональный подход к ее пониманию, начиная, например, как в работе “Царство духа и царство кесаря” с того, чем свобода не является [с. 282]. “Свобода есть дух, а не бытие”. “Примат и господство разума не признает свободы”. “Духовное начало в человеке есть истинная свобода, а отрицание духа, додуманное до конца, - неизбежно есть отрицание свободы”.

За этим следует определение связи между свободой и творчеством: “Настоящая проблема свободы есть проблема творчества”. “Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно, новую жизнь общества и мира. Но было бы ошибкой при этом понимать свободу, как внутреннюю причинность. Свобода находится вне причинных отношений. Причинные отношения находятся в объективированном мире феноменов. Свобода же есть прорыв в этом мире. Свобода приходит из иного мира, она противоречит закону этого мира и опрокидывает его” [с. 284]. “Свобода предполагает существование духовного начала, не детерминированного ни природой ни обществом. Свобода есть духовное начало в человеке” [там же].

Нельзя не признать, что несмотря на упорные попытки дать операциональное определение понятию “свободы” в разных ракурсах, оно остается у Бердяева расплывчатым и туманным. Смысл самой абстрактной философии заключается в том, что совершенно неожиданно она может иметь весьма практическое значение, гораздо более практическое, чем самые конкретные прикладные разработки. Но в чем практическое значение такого многословного определения свободы? Если она не от мира сего, то стоит ли ее ставить в центр борьбы против коллективизма? Если свобода - это творчество, то почему она не от мира сего? Ибо любое творчество человека имеет в конечном счете выход на наш бренный материальный мир в попытках его осознать или переделать. И если уж мы признаем необходимость ограничений, хотя бы в такой сфере как хозяйственная деятельность, то, наверное, ограничению подлежит и творчество в том его аспекте, который имеет выход на эту деятельность, - требует материальных ресурсов или направлен на то, чтобы повлиять на распределение ресурсов. Короче говоря, если экономика подлежит ограничениям со стороны нравственности и справедливости, то почему тем же самым ограничениям не должно подлежать творчество, способное взорвать моральные устои человечества? Идеи обладают способностью становиться материальной силой. “Майн кампф” может обернуться мировой войной, “Миф XX столетия” - геноцидом, исследования структуры атома - Хиросимой и Нагасаки. Бердяев боится, что отчуждение совести личности в пользу коллектива может обернуться потерей личности и тоталитаризмом, но без коллектива невозможна социализация человека, а, следовательно, и формирование самой личности.

И сам же Бердяев, впадая в противоречие со своим определением свободы, признает, что “декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина” [с. 285], что “... сам принуждающий закон может быть охранением свободы от человеческого произвола [с. 280]. Тем не менее Бердяев в своей борьбе за свободу личности развивает противопоставление “коммюнотарности” и коллективизма: “Слово коллективизм должно быть совершенно исключено; ... он лишь карикатура на коммюнотарность. Коммюнотарность всегда свободна, коллективизм всегда принудителен” [с. 278].

“Коллективизм не знает ближнего в евангельском смысле слова, он есть соединение дальних, он не знает ценности личности. Коммюнотарность же персоналистична, есть общность и общинность личностей”.

“Через коллективное сознание и коллективную совесть, получающие мистический характер, начинает господствовать одна группа людей над другими группами. Коллективизм - орудие господства, и за ним скрыта воля к могуществу. ... Коммюнотарность и соборность всегда признают ценность личности и свободу. Коммюнотарность есть духовное начало людей, общность и братство в отношениях людей, и она совсем не означает какой-то реальности, стоящей над людьми и ими командующей. Коммюнотарность оставляет совесть и оценку в глубине человеческой личности. Совесть одновременно может быть личной и коммюнотарной. Коммюнотарность означает качество личной совести, которое не может быть замыканием и изоляцией. Религиозная коммюнотарность ... называется соборностью”.

Мне представляется, что такое противопоставление коллективизма (или как его еще называет Бердяев - “сборности”) коммюнотарности (соборности), является надуманным, хотя и можно его объяснить протестом философа против жестко иерархической организации советского общества сталинского периода. На мой взгляд, коллективизм и коммунитаризм близкие понятия. Бердяев делает акцент на свободе, духовности и добровольности в объединении людей и отвергает принуждение. Но на практике принуждение и добровольность всегда соседствуют. Взаимодействуя, люди всегда подчиняют свои личные представления (духовную сторону) общей системе ценностных ориентаций. Без этого взаимодействие и лежащие в его основе взаимопонимание и доверие невозможны. В то же время только доверие и взаимопонимание не могут полностью обеспечить координацию действий. Кроме взаимопонимания нужна еще и команда. Иногда просто нет времени для того, чтобы обеспечить совместное действие даже очень сознательных людей без принуждения. Хороший воин готов отдать за Родину свою жизнь, но для

того, чтобы она была потеряна не зря, нужно, чтобы она была вписана в общий тактический замысел командира.

Все дело в той степени, в которой добровольность и принуждение соседствуют в сообществе. На противоположных полюсах стоят полная добровольность с опасностью распада сообщества, развитие крайнего индивидуализма и чисто командное, тоталитарное сообщество. Оба варианта не жизнеспособны. Но между ними есть третий путь. Бердяев делает намек на эту возможность, когда пишет, что "одинаково ложны изолированный индивидуализм и механический производственный коллективизм", но почему-то не развивает эту мысль.

Вызывает удивление то, что он не видит возможность третьего пути, состоящего в реализации индивидуальных интересов в рамках общей стратегии коллектива (сообщества): будь то трудового коллектива, корпорации, общины, семьи, региона, нации, государства. На самом деле, этот принцип в той или иной мере всегда присутствовал и присутствует в общественной жизни, способствуя развитию сетевых структур организации. Весь вопрос состоит лишь в том, при каких условиях он может стать доминирующим. Реалии конца XX века показывают, что этот принцип, который иначе можно назвать холоническим (холос - целое, он - единичное (греч.) или коммунитарным уже пробивает себе дорогу. Коммюнотарность же Бердяева повисает в воздухе: если она относится только к царству духа, то это значит, что царство кесаря должно быть организовано как-то иначе. Если же оно относится также и к царству кесаря, то в ней не может присутствовать неограниченная свобода. Слабость позиции Бердяева в его исходных тезисах о непримиримости общего и частного, непреодолимой пропасти между царством духа и царством кесаря, а жизнь заставляет как мыслителей так и практиков наводить мосты между тем и другим.

В отличие от Н.А. Бердяева, Владимир Сергеевич Соловьев придавал большое значение третьему пути и указывал на то, что он постоянно присутствует в истории человечества и играет в ней положительную роль. Но послушаем Владимира Соловьева:

"От начала истории три коренные силы управляли человеческим развитием. Первая стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех степенях его жизни одному верховному началу и слить все многообразие частных форм, подавит самостоятельность лица, свободу личной жизни. Один господин и мертвая масса рабов - вот последнее осуществление этой силы. Если бы она получила исключительное преобладание, то человечество окаменело бы в мертвом однообразии и неподвижности. Но вместе с этой силой действует другая, прямо противоположная; она стремится разбить твердыню мертвого единства, дать везде свободу частным формам жизни, свободу лицу и его деятельности; под ее влиянием отдельные элементы человечества становятся исходными точками жизни, действуют исключительно из себя и для себя, общее теряет значение реального существенного бытия, превращается в что-то отвлеченное, пустое, а наконец и совсем лишается всякого смысла. Всеобщий эгоизм и анархия, множественность отдельных единиц без всякой внутренней связи - вот крайнее выражение этой силы. Если бы она получила преобладание, то человечество распалось бы на свои составные части и история окончилась войной всех против всех; самоистреблением человечества. Обе эти силы имеют отрицательный, исключительный характер: первая исключает свободную множественность частных форм и личных элементов, свободное движение, прогресс, - вторая столь же отрицательно относится к единству, к общему верховному началу жизни, разрывает солидарность целого. Если бы только эти две силы управляли историей человечества, то в ней не было бы ничего, кроме вражды и борьбы, не было бы никакого положительного содержания; в результате история была бы только механическим движением, определяемым двумя противоположными силами и идущим по их диагонали. Внутренней целости и жизни нет у обеих этих сил, а, следовательно, не могут они ее дать и человечеству. Но человечество не есть мертвое тело и история не механическое движение, а потому необходимо присутствие третьей силы, которая дает положительное содержание двум первым, освобождает их от исключительности, примиряет единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов, создает таким образом целость общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю жизнь. И действительно мы находим в истории всегда совместное действие трех этих сил, и различие между теми и другими историческими эпохами и культурами заключается только в преобладании той

или иной силы, стремящейся к своему осуществлению, хотя полное осуществление для двух первых сил, именно вследствие их исключительности, - физически невозможно" (курсив - В.С.) [20, с. 18-19].

Таким образом, уже у Вл. Соловьева мы находим достаточно четкое определение холонического или коммунитарного принципа. Соловьев признавал одновременность существования и функционирования всех трех принципов в каждую историческую эпоху и одновременно указывал на доминирования того или иного принципа в той или иной цивилизации. Носителем третьего, синтетического принципа он считал славянскую, и, прежде всего, русскую цивилизацию [20].

Вл. Соловьев широко применяет понятие нравственности к экономической сфере, подчеркивая, что некоторые потенциально опасные для общества виды экономической деятельности не могут быть полностью предоставлены частным интересам. К таким видам деятельности он относил торговлю и финансовые спекуляции. Первую, поскольку она таит в себе опасность фальсификации товаров, вторые по его мнению являются общественной болезнью.

"Финансовые операции с мнимыми ценностями (так называемые "спекуляции") представляют, конечно, не столько личное преступление, сколько общественную болезнь, и здесь прежде всего необходимо безусловное недопущение тех учреждений, которыми эта болезнь питается. - Что касается, наконец, ростовщичества, то единственный верный путь к его уничтожению есть, очевидно, повсеместное развитие нормального кредита, как учреждения благотворительного, а не своекорыстного (курсив мой - Г.П.). На современном языке это означает установление строго государственного контроля над кредитно - банковской системой.

Нельзя также не отметить его почти пророческие высказывания в адрес западной цивилизации: "Общественный организм Запада, разделившись сначала на частные организмы между собой враждебные, должен под конец раздробиться на последние элементы, на атомы общества, т.е. отдельные лица, и эгоизм корпоративный, кастовый перерастет в эгоизм личный" [20, с. 24]. При сопоставлении этих строк с инвективами сегодняшних коммунитаристов, в особенности А. Этциони, против современного западного общества, невольно создается впечатление, что они написаны нашим современником. Еще более современными кажутся они в обстановке того разгула абсолютизации наживы, личного и группового эгоизма, которая стала результатом попыток перенесения западных ценностей в Россию.

## VIII. Разные социально - экономические культуры современного капитализма: конвергенция или дивергенция культур

С точки зрения теории стадийного развития мир должен был бы конвергировать к единой социально - культурной системе, скажем, к "открытому обществу" Карла Поппера. Можно ли считать, что итоги XX века это подтверждают? В настоящее время целый ряд исследований опровергает ходячее мнение о конвергенции экономических культур.

Здесь прежде всего надо отметить работу французского ученого Мишеля Альбера ("Капитализм против капитализма", 1991) [21], где автор впервые провел четкую грань между неоамериканской экономической культурой, главной наследницей А. Смита и социально - ориентированным рейнско - альпийским капитализмом. Развивая его идеи, германский экономист Отто Якоби выделяет пять типов капитализма: а) англо-саксонский с доминированием финансового капитала, б) рейнско - альпийский социально ориентированный, в) сообществ отдельных фирм, г) с главенством верхушечной части общества, структурами феодального типа, засилием мафии (Италия, Латинская Америка), д) жесткая диктатура, нацеленная на экономическое развитие (Китай). Вне его рассмотрения остаются, правда, азиатская модель (Япония, Корея, Тайвань и пр.) и исламская модель (Саудовская Аравия, Объединенные эмираты).

Американский исследователь Катценштейн выделяет корпоративную модель малых стран Европы (Австрия, Швеция, Швейцария) [23]. Лаура Тайсон (быв. Председатель Совета экономических советников при Президенте США) является сторонницей существования особой японской модели, в которой принцип максимума прибыли сильно потеснен критерием

расширения рыночной доли [24]. Английский экономист Рональд Дор, на примере Японии разрабатывает теорию капитализма позднего развития [25].

Пожалуй, наиболее интересным и фундированным с точки зрения основной проблемы настоящей работы является исследование английских социологов Ч. Хемпден-Тернера и Ф. Тромпенаарс (“Семь ликов культуры капитализма”, 1992-1993гг.) [17]. Авторы экспериментально исследовали различные социо-культурные типы менталитета руководителей бизнеса по 15 странам с охватом 15 тыс. респондентов. Использовалась методика ситуационного теста. Теоретическая модель состояла из семи пар признаков, комбинация которых в разных пропорциях определяла тип менталитета. Респондентам предлагалась ситуация и набор решений. Расположение ответов по определенной шкале определяло выбор в каждой из семи пар признаков. Пары были составлены следующим образом (признак определяет некоторую обобщенную характеристику экономического поведения): 1) Универсализм - партикуляризм, 2) аналитический - синтетический (интегративный) подход к принятию решений, 3) индивидуализм - коммунитаризм, 4) интравертность (самодостаточность) в принятии решений - экстравертность (учет мнения окружающих), 5) секвенциональный подход к понятию времени - синхронный и циклический подход, 6) меритократия – статусократия, 7) иерархичность как организационный принцип (пирамидальные структуры) - эгалитарность (принцип равенства, плоские организационные структуры).

Предполагается, что принцип плоских организационных структур предполагает “расчистку поля для свободной конкуренции, а принцип иерархии нацелен на сознательное структурирование рыночной среды. Объединяя по семь признаков в две группы мы получаем дихотомию “открытое общество” - структурированное общество (“закрытое общество” или сообщество сообществ). Открытому обществу соответствует универсализм, приоритет анализа, индивидуализм, интравертность, секвенциональный подход ко времени, меритократия, принцип равенства возможностей (плоские организационные структуры).

Закрытому обществу” соответствуют партикуляризм, приоритет синтеза, коммунитаризм, экстравертность, синхронное и циклическое восприятие времени, статусократия, иерархичность.

Наиболее близко к модели “открытого общества” приближается американский социо-культурный тип. В нем можно найти все семь признаков этой модели. На противоположном полюсе находится японский социо - культурный тип, в котором сочетаются все семь признаков “закрытой” модели. Между ними располагается ряд других социо - экономических культур: германская (универсалум, синтез, коммунитаризм), шведская (социальный индивидуализм), голландская (децентрализованный симбиоз отдельных секторов общества), английская (ориентация на социальный статус и потребление), французская (сосуществование антагонистических социальных групп, обеспечиваемое государством). И японская и германская (рейнско - альпийская) модели проникнуты сильным духом коммунитаризма, если понимать его, как согласование интересов на всех уровнях общественной организации, в том числе и нерыночными методами.

Проблемами разных социо-культурных типов современного капитализма занимались и российские ученые. Так, Г.Г. Водолазов развернул применительно к России концепцию номенклатурного капитализма [26]. С.А. Кургинян противопоставляет спекулятивный и производительный типы капитализма (ср. с Максом Вебером, см. выше). А.И. Неклесса выделяет финансово - спекулятивное ядро, промышленную полупериферию и периферию в структуре современного капитализма [27]. К его взглядам мы еще вернемся.

Для нас важно признание одновременного существования разных социо - культурных типов, каждый из которых по своему пытается адаптироваться к развитию производительных сил. В общем то это так или иначе удается всем типам - каждый из них занимает свою нишу. Вопрос, однако, состоит прежде всего в том, какова будет траектория развития каждого из этих типов в дальнейшем. Кроме того встает проблема социальной цены адаптации - кто выигрывает от того или иного типа адаптации, какие потери несет большинство населения соответствующей страны (ибо адаптируется прежде всего элита), какова степень нарастания при этом социальной напряженности. Во всяком случае можно установить, что прямой линии конвергенции разных

социо - культурных типов в единую культуру “открытого общества” на рубеже XX - XXI вв. не наблюдается. Скорее возможно, что одновременно происходят два противоположных процесса - социо - культурная конвергенция и дивергенция, причем в разные моменты времени и места то один, то другой процесс.

**IX. Связь проблемы социо - культурного многообразия с цивилизационным подходом**

Эмпирическая констатация факта социо - культурного многообразия в современном мире перекликается с цивилизационным подходом к истории человечества, наиболее яркими представителями которого являются Н.Я. Данилевский [28], Оскар Шпенглер [29], и Арнольд Джон Тойнби [30, 31]. В данной работе нет места для подробного изложения основ цивилизационного подхода и кроме того это не является задачей автора, который, не будучи историком, не берет на себя смелость углубляться в одну из сложнейших проблем исторической науки.

Главное, однако, что необходимо отметить, так это противоположность цивилизационного подхода формационному или стадийному. Формационный подход рассматривает каждую предыдущую формацию, как необходимую ступень в развитии человечества, подготавливающую становление новой, более высокой ступени, вплоть до коммунизма - ступени, заглянуть за которую наука не решается и которая будет то ли завершением истории, то ли подготовкой к еще более высокой ступени исторического развития, характеристики которой пока не просматриваются. Но как бы то ни было, все человечество, все народы последовательно проходят эти ступени (иногда минуя некоторые с помощью соседей), развиваясь по одной и той же пятичленной схеме. Стадийная теория развития также рассматривает последовательность стадий, ведущих от традиционного общества к современному (модернити [34[), иногда подразделяя последнее еще на индустриальное и постиндустриальное. На этом история, пожалуй, и кончается (см. Ф. Фукуяма “Конец истории” [33]).

Для цивилизационного подхода, напротив, каждая цивилизация представляет самостоятельную ценность. По Тойнби (он развивает идеи Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера) одновременно существуют равноценные локальные цивилизации. Более того, нельзя рассматривать даже ранее существовавшие, ныне уже мертвые цивилизации, как предысторию европейской цивилизации. Таким образом, цивилизационный подход порывает с традицией европоцентризма, свойственной формальному, но в особенности стадийному подходу. Мне бы хотелось здесь лишь отметить эти положительные с точки зрения реалий современного мира моменты цивилизационного подхода, тем более, что сегодня ряд авторов обращает внимание на возможность дальнейшего развития истории, как столкновения разных цивилизаций (европейско - христианской, исламской, славянско - христианской, дальневосточно - азиатской и т.п.) [35].

С другой стороны, хотелось бы также высказать гипотезу о механизме развития, проходящем через так называемые точки бифуркации. Суть ее в том, что каждая цивилизация имеет определенное поле возможностей развития, определяемое потенциалом ее системы ценностей, человеческим материалом, географическим положением и природными условиями, ресурсным потенциалом, запасом знаний и технологий. В ходе роста и развития цивилизация приближается к пределам своего потенциала. Вместе с тем идет поступательный процесс развития производительных сил и нарастания объема знаний. Достигая предела своего потенциала, цивилизация подходит к определенной развилке: либо осуществить прорыв в новую область возможностей и получить “второе дыхание”, или пойти по пути приспособления к сокращающемуся потенциалу, постепенного свертывания и деградации, приводящим либо к коллапсу, либо к длительному застою.

Но для прорыва в новую область возможностей цивилизация должна накопить и сохранить потенциал прорыва, прежде всего потенциал многообразия. Сохранившие гибкость и многообразие цивилизации могут приспособиться к новому этапу развития производительных сил в новом поле возможностей. Те же цивилизации, которые пошли по пути оптимизации развития применительно к старому полю возможностей, достигают временного максимума доминирования,

но растрачивают при этом потенциал многообразия или не в силах его мобилизовать, обречены на упадок и гибель.

Вместе с тем, в точках бифуркации (ветвления) траекторий образуется зона неопределенности и неустойчивости, когда нет жесткой детерминированности траектории истории и сравнительно малые воздействия могут способствовать мобилизации потенциала прорыва и перевести цивилизацию (государство, нацию) на восходящую траекторию или, наоборот, создать условия для растраты потенциала и сбросить ее на нисходящую траекторию. Возникает вопрос, исчерпала ли цивилизация, основанная на принципах либерализма, материальной выгоды, индивидуализма и чисто рыночных отношений, свой потенциал развития, сохраняется ли в ней потенциал прорыва и необходимое многообразие, могут ли они быть мобилизованы и какие траектории развития в принципе возможны.

## X. Социальная сфера - потребитель экономических благ или хранитель многообразия?

Западной индивидуалистической цивилизации свойственно четкое выделение сферы экономики из всех других сфер общественной жизни. Подобное выделение существовало не всегда, и в средневековой Европе экономические отношения, традиции, религия были достаточно тесно слиты, так как, например, сезонные сельскохозяйственные праздники сливались с праздниками религиозными. Феодальный майор и крестьянская община, а затем средневековый город были не только производственными, но и социальными и оборонительными единицами. Экономическая эффективность не считалась основной целью их деятельности, разделение труда происходило в основном внутри этих единиц, обмен с внешним миром носил, скорее, спорадический характер. Экономическая эффективность требовала, прежде всего, качественного формального измерения, использования некоторого обобщенного критерия. Таким критерием являлась прибыль. Максимизация прибыли сопровождала становление капитализма. Но вместе с тем встал вопрос об ограничениях. Известно, что в задаче на оптимум максимум критерия может быть увеличен за счет смягчения ограничений. В глобальном смысле смягчение ограничений для роста прибыли означало разрушение социальной сферы, замену всех сложных отношений, связывающих людей, чистоганом (см. “Коммунистический манифест”).

Но как уже говорилось, для развития общества важен не только максимум экономических благ, а тем более прибыли. Важно многообразие человеческих возможностей, отношений, навыков, ценностей, традиций и наследия. Это - резерв, из которого черпается потенциал прорыва. Общество, которое заменяет все ценности только ценностью наживы и ее максимизирует, обречено, поскольку растрачивает на достижение текущей наживы весь потенциал развития. С этой точки зрения социальная сфера, структурирована на множество социальных ролей, социальных рангов и взаимоотношений. Сохранение многообразия предполагает существование групп и сообществ со сложными связями внутри них и между ними. Именно эта роль социальной сферы предполагает коренное различие между принципами экономической и социальной рациональности [35, с.7-16].

Интересно, что в дальневосточной японо-китайской цивилизации четкого разделения социальной и экономической сфер до сих пор не произошло. Японская корпорация продолжает выступать не только как экономическая, но и как социальная единица - и это является краеугольным камнем японского менеджмента. Японские корпорации продолжают образовывать “сообщества сообществ”, смыкаясь в интересах нации и государства перед иностранным конкурентом, вторгающимся в их сферы влияния, в особенности на внутреннем рынке. Отношения между предприятиями строятся не только на чисто рыночных связях, но и на неформальных, зачастую нерыночных отношениях. Успех сопутствует дальневосточной модели, в чем можно убедиться не только на примере Японии. “Азиатские драконы”, Китай своими экономическими успехами показывают, что западная модель разделения экономического и социального, рассматривающая социальную сферу только в качестве нахлебника, потребителя ресурсов, во многом слабее, чем модель, учитывающая многообразные прямые и обратные связи между экономической и социальной сферой. Самая главная из этих связей состоит в том,

что первичная социализация рабочей силы происходит именно в социальной сфере на уровне семей и локальных сообществ. При разрушении этих элементов общества экономика уже не может получать дисциплинированную, добросовестную и квалифицированную рабочую силу. Процесс смягчения ограничений на пути максимизации прибыли не может продолжаться до их полной отмены. Это - тупиковый путь. Кроме того, социальные ограничения должны поставить преграду на пути видов экономической деятельности, прямо разрушающих общество: торговле наркотиками, людьми, нелегальной торговле оружием и опасными веществами, несанкционированного и опасного использования информационных и других инфраструктурных систем.

Исторически сложилось так, что важным ограничением на пути максимизации прибыли любым путем стало рабочее движение. Опасность социального взрыва, пример советского социального законодательства вынудили капитализм отказаться от “диких” методов эксплуатации [37]. Парадоксально, но это пошло капитализму на пользу - при невозможности увеличивать продолжительность рабочего дня, интенсифицировать физический труд, снижать заработную плату капитал устремился в сферу научно - технического прогресса, пытаясь все более заменить непокорный труд системой умных, но бездушных машин. Капитал пошел на уступки в целях поддержания социального мира - родилась социальная политика и, в конце концов, “государства всеобщего благосостояния”.

Кризис государства “всеобщего благосостояния”, крушение социалистического лагеря, ухудшение экологической обстановки на Земле создают новые условия функционирования капитализма. Достигнут новый предел возможностей, в то же время открылись другие пути. Это - ситуация бифуркации. О возможных траекториях развития речь пойдет ниже.

В заключение приведем еще слова Вл. Соловьева о нивелирующем воздействии капитализма, стирающего многообразие социума во имя экономической эффективности: “Старая Европа в богатом развитии своих сил произвела великое многообразие форм, множество оригинальных, причудливых явлений: были благородные рыцари, всю жизнь сражавшиеся за дам, которых никогда не видели, были философы, делавшие золото и умиравшие с голоду, были ученые схоластики, рассуждавшие о богословии как математики, а о математике, как богословы. ... ныне же, как известно, единственное величие, еще сохраняющее силу на Западе, есть величие капитала, единственное существенное различие и неравенство между людьми, еще существующее там, - это неравенство богача и пролетария...” [20, с.25].

И снова встает вопрос, сможет ли общество восстановить ограничения, под защитой которых оно сможет регенерировать многообразие социальной сферы, или процесс разрушения ограничений пойдет дальше, упрощая и сметая социальные связи, традиции и человеческие отношения и замещая все отношениями купли - продажи, создавая полную свободу для всех форм обогащения, начиная от финансово - спекулятивных и кончая откровенно криминальными. Хаос негативной свободы предпринимательства или разумная свобода в рамках жестких социальных ограничений - вот в чем суть исторического выбора нашей эпохи.

## XI. XX1 век - эра сетевых структур и новых управленческих проблем

Похоже, что на рубеже XX - XX1 веков производительные силы вновь резко меняют свой характер. В 70-80 годы XX века на смену массовому энергоёмкому, сырьеёмкому и капиталоёмкому производству пришла модель ресурсосберегающего наукоёмкого типа.

К концу XX века начинает формироваться общество, которые многие называют постиндустриальным или информационным. Я бы подошел к вопросу несколько шире и назвал бы его и назвал бы его обществом сетевых структур. Весь мир охватывают информационные сети. Отдельные транспортные системы объединяются в сложные транспортные сети. Трубопроводный транспорт гонит нефть и газ из отдаленных районов Азии в Европу, с Аляски - в США. Энергетические системы объединяются в энергосети. Крупные корпорации образуют звездно - сетевые структуры, объединяющие субподрядчиков и побочные, вспомогательные или ассоциированные производства. Формируются финансово - промышленные группы, объединяющие кредитно -финансовые институты и промышленные корпорации.

Транснациональные корпорации выходят за пределы национальных государств и распространяют свои сетевые структуры на весь мир. Масштабы деятельности некоторых из них становятся сопоставимыми со средними по величине национальными государствами. В рамках ТНК субподрядные операции распространяются на весь мир и каждая комплектующая производится в наиболее выгодных по цене и качеству условиях. В некоторых случаях центральные офисы таких систем играют роль просто коммутаторов, подключающих друг к другу в нужные моменты отдельные элементы сети. Крупнейшие финансовые институты создают глобальные сетевые структуры, открывающие совершенно новые возможности маневра крупными капиталами и широкий простор для крупномасштабных финансовых спекуляций. Даже малый и средний бизнес структурируется в попытках выступить на равных с большим бизнесом и создает свои сетевые структуры, обеспечивающие ему финансирование, разработку моделей и дизайнов, изучение рынков и сбыт в централизованных структурах. Гигантские мегаполисы обслуживаются сложными коммунальными инфраструктурными сетями. Социальная стабильность поддерживается с помощью социальных инфраструктурных систем, постепенно приобретающих сетевой характер. Структуры связи все более глобализуются и охватывают единой сетью практически весь мир.

Развитие сетевых структур связано с новыми информационными технологиями, усложнением взаимной зависимости всех составляющих экономической, политической и социальной сферы. Вместе с тем, взаимозависимость усиливается и в области экологии. В промышленно развитых странах поглощающая способность окружающей среды приближается к своему пределу. В развивающихся странах экономическая отсталость сочетается с демографическим давлением и это приводит к ситуации, когда неразвитость создает не меньшую экологическую угрозу, чем высокоразвитая промышленность. Более того, современные системы потребления, такие, например, как автомобильный и авиационный транспорт непрерывно увеличивают антропогенную нагрузку на всю глобальную экологическую систему Земли. Давно уже расчеты показали, что если все человечество достигнет нынешнего уровня потребления развитых стран при нынешней его структуре, Землю ждет неминуемая экологическая катастрофа. Кислотные дожди, Чернобыльская катастрофа, аварии танкеров и нефтепроводов показали, что крупные экологические бедствия не признают государственных границ. Поэтому действенные мероприятия в области охраны среды обитания также требуют создания глобальных сетевых структур.

Таким образом, сегодня мы имеем дело с сильно структурированным миром, прежде всего в области экономики. Но остается еще сфера безопасности. С крушением лагеря социализма и прекращением глобального противостояния мир, как ни странно, стал еще опаснее. Хаос, быстро распространяющийся на территории бывшего СССР, создал благоприятнейшую среду для расцвета терроризма и преступности. Процветают наркобизнес, торговля людьми, оружием. Международные преступные организации создают свои сетевые структуры. Без создания соответствующих сетевых структур безопасности борьба с международной организованной преступностью становится невозможной. В то же время сетевые структуры, в особенности инфраструктурные имеют целый ряд специфических особенностей. К ним можно отнести:

1. высокий уровень экстернальности;
2. высокую способность к передаче колебаний;
3. высокие требования к совместимости;
4. высокую отдачу от масштаба, включая повышение ценности продукта системы с ее расширением;
5. высокий уровень монополии и олигополии, но в то же время и высокую способность к координированным действиям;
6. высокую степень влияния на экономику и жизнь общества в целом;
7. повышенную уязвимость от узких мест;
8. высокий стартовый капитал и необходимость “генерального плана” для возникновения и развития;

9. потребность в стабильности окружающей, экономической, социальной и политической среды для нормального функционирования;

10. необходимость поддержания стабильного, высококвалифицированного и лояльного постоянного кадрового состава;

11. повышение требования к безопасности ввиду повышенной склонности к техногенным и экологическим катастрофам.

Отсюда и некоторые особенности управления этими структурами:

1. структуры требуют высокого уровня централизованного управления и координации;

2. необходимость наряду с обычной окупаемостью учитывать риски и связанную с ними функцию потерь;

3. неприменимость обычных критериев прибыли и сигналов рыночной цены для управления;

4. необходимость широких горизонтов стратегического планирования функционирования и развития.

Из вышеизложенного следует, что для успешного функционирования сетевых структур идеология индивидуалистического либерализма непригодна. Необходима новая идеология, включающая элементы ответственности, служения обществу и социальной справедливости, иные подходы к отношениям собственности.

## XII. Теорема Коуза и трансакционные издержки

Традиционный подход к проблеме собственности состоит в том, что частная собственность как право владения, пользования, распоряжения, нераздельно сосредоточенное в руках одного владельца, противопоставляется общенародной, государственной, которая как бы лишает объект собственности эффективного хозяина.

Между тем, уже достаточно долго существует альтернативная теория собственности. В ее основе лежит понятие трансакционных издержек. Проблема последних была поднята лауреатом Нобелевской премииР. Коузом еще до войны [37]. В дальнейшем в ее разработке и создании построенной на ее основе экономической теории собственности приняли участие многие выдающиеся ученые, в том числе С. Уильямсон, Дэн Стиглер, А. Алчен, К. Эрроу, Д. Норт, С. Пейович, А. Ослунд и другие. В России подробный обзор этих разработок сделан Р.И. Капелюшниковым.

Суть проблемы - в так называемых экстерналиях. Из неоклассической теории известно, что оптимум в рыночной системе, регулируемой спросом, предложением и прибылью, достигается только в том случае, когда каждый из субъектов хозяйствования сам несет все издержки и получает все выгоды от своей активности. Но если ситуация такова, что часть издержек он вольно или невольно перебрасывает на других, или же, наоборот, другие перебрасывают на него, оптимум недостижим. Это и есть внешние эффекты или экстерналии. На проблему экстерналий обратил внимание еще А. Пигу [38], который рассматривал ее как естественную область вмешательства государства.

Р. Коуз предложил систему разграничения прав собственности и, следовательно, ответственности: всегда сложно так разграничить право собственности, что либо , например, загрязнитель платит за право загрязнения, либо, наоборот, ему платят за то, чтобы он не загрязнял. Р. Коуз сформулировал и доказал теорему: “хотя разграничение прав является существенной предпосылкой рыночных трансакций ... конечный результат (который максимизирует ценность общественного продукта) не зависит от правового решения”. В качестве примера он приводил случай, когда скотовод травит часть посевов земледельца при увеличении своего поголовья скота за определенную пороговую величину. В этом случае проблему можно решить как путем выплат земледельцу за потраву, так и выплат скотоводу от земледельца за отказ от увеличения стада. Структура оптимального продукта определяется тем, что имеет большую полезность - потерянный урожай с потравленных посевов или дополнительное поголовье скота. Выплачивающая сторона включает выплаты в свои издержки, и доходы сторон не изменяются.

Стиглер [39] доказал теорему Коуза в общем виде, дав ей формулировку: “... в условиях совершенной конкуренции частные и общественные издержки будут равны”. Но в жизни, как правило, нет совершенной конкуренции и зачастую проблема земледельца - скотовода решалась на Диком Западе с винтовкой в руке.

Вот тут-то и надо обратить внимание на важную оговорку, которую и Коуз и Стиглер сделали условием справедливости своей теоремы: в число условий совершенной конкуренции они включили равенство нулю трансакционных издержек, т.е. издержек на осуществление операций рыночного обмена, в том числе обмена правами собственности на средства производства.

К. Эрроу сравнивает эти издержки с трением в физических системах. В целях снижения трения каждому используемому в технике физическому объекту придается соответствующая форма. В экономических системах в ответ на рост трансакционных издержек возникают институты, структурирующие рыночные отношения и частично заменяющие их командно - административными или другими нерыночными формами хозяйства там, где издержки по функционированию институтов будут ниже трансакционных. В других случаях эти институты играют роль каналов движения обмена или систем смазки. Как бы то ни было современная смешанная рыночная экономика уже не может функционировать без этих рыночных, иногда не совсем рыночных, а иногда даже и совсем нерыночных институтов.

Как отмечают С.А. Батчиков и Ю.А. Петров “Традиционное жесткое разделение и противопоставление в теории госрегулирования экономики макро уровня (государство, общество) и микро уровня (потребители и производители) безнадежно устарело и непродуктивно в том смысле, что основными субъектами хозяйственной жизни в развитых экономиках являются экономические организации и институты: акционерные общества, холдинги, транснациональные компании, банки и финансово - промышленные группы, паевые инвестиционные фонды, пенсионные и иные аналогичные фонды, кооперативы и бесприбыльные организации, муниципалитеты и региональные органы власти, международные организации, профессиональные организации и гильдии, профсоюзы и общества защиты прав потребителей, международные и национальные союзы экспортеров, организации участников фондового рынка и торгово - промышленные палаты. Они и составляют институциональную инфраструктуру “ реального капитализма”. Законы его функционирования не объясняются ни микро- ни макро экономикой”. Авторы называют этот уровень структурной организации современной экономики “мезоуровнем” [40, с.203]. Я в одной из работ использовал термин “опорные конструкции экономики”.

Бриден и Туманов пишут: “Экономист, игнорирующий трансакционные издержки, будет сталкиваться с такими же трудностями при объяснении экономического поведения, с какими сталкивался бы физик, игнорирующий факт трения при описании физических объектов” [41]. Так возникают хозяйственные институты, заполняющие “мезо-экономическое пространство” между двумя крайними формами: чисто рыночными, когда каждая операция осуществляется собственником и оформляется как отдельная трансакция (купля - продажа), и командно - административной, работающей в “в режиме единой фабрики”. В первом режиме экономика задохнулась бы под тяжестью трансакционных издержек. Во втором - потеряла бы всякую гибкость и привела бы в область, где самоускоряющийся рост административных издержек становится контрпродуктивным.

Кроме того: любая трансакция не мгновенна и поэтому для достижения равновесия в чисто рыночной организации может потребоваться слишком длительное время; в ходе трансакций по достаточно длинной технологической цепочке возрастает вероятность сбоев и нарушений, делающих невозможной реализацию сложных процессов в области современных высоких технологий; трансакция имеет ограниченный горизонт времени и, следовательно, не может служить основой для долгосрочных взаимосвязанных инвестиций.

Оправдание любой из структур мезоэкономики - снижение трансакционных издержек. Наоборот, возрастание этих издержек с ростом сложности организации приводит к вытеснению нерыночных структур рыночными. Эти разнонаправленные процессы всегда проходят одновременно. В наше время они в основном зависят от информационных технологий и технологических цепочек. Если информационные системы в своем функционировании снижают

издержки, то усложнение технологических цепочек и макро экономических воспроизводственных институтов [42] - наоборот, увеличивает трансакционные издержки. Информационные цепи сами по себе требуют при своем создании длительного проектирования и больших затрат. При изготовлении сложных продуктов высоких технологий быстрое изменение технологических цепочек или хотя бы замена некоторых из их частей затруднительна и дорогостояща. Так, например, совсем недавно (январь 1997г.) компания “Тоёта” вынуждена была остановить 20 из 30 сборочных линий по причине пожара на субподрядном предприятии [43]. Переключение на случайного поставщика здесь невозможно по причине строгого контроля качества и графика субподрядных поставок. Так что, скорее всего общая тенденция к росту трансакционных издержек в современном производстве и служит основой быстрого роста сетевых структур.

Постсоветское экономическое пространство характеризуется резким ростом трансакционных издержек. Причинами этого явились: 1) раздробление единых технологических воспроизводственных комплексов, 2) разрыв десятилетиями устанавливавшихся хозяйственных связей, 3) разрушение информационных систем вследствие упразднения плановых органов и министерств, 4) разрушение системы оптовой торговли, 5) создание частных охранных служб при крайнем ослаблении единой правоохранительной системы, 6) широкое распространение бартера и денежных суррогатов, 7) общий подрыв доверия к осуществлению контрактов, 8) активное вмешательство организованной преступности в экономическую жизнь страны, в том числе сбор огромной дани с бизнеса, оказавшегося фактически под двойным налогообложением.

При росте трансакционных издержек и широком распространении сетевых структур европейская концепция частной собственности как “священной и неприкосновенной”, “неограниченной и неделимой”, классическим воплощением которой явился кодекс Наполеона, становится неадекватной. Однако, существует альтернативная англо - саксонская концепция собственности, которая понимает право собственности, как пучок некоторых правомочий, которые, вообще говоря, могут передаваться различным юридическим и физическим лицам.

Практическое использование права собственности, в особенности в системах с высокими экстерналиями, всегда связано с ограничением возможностей другого собственника. Поэтому в мире сетевых структур с высоким уровнем экстернальности крайне актуальным является построение систем собственности, достаточно гибких для того, чтобы регулировать ограничения прав собственности без их коренного пересмотра или перераспределения. Это может достигаться тем, что часть пучка правомочий оставляется за одним основным собственником в то время, как другая часть передается другим (например, трудовому коллективу, муниципалитету, региональным властям или центральному правительству).

Концепция пучка правомочий представляется более адекватной общественным и производственным отношениям XX1 века. Она позволяет ввести в отношения собственности общественный, национальный и государственный интерес, не прибегая к тотальному огосударствлению. Полагаю, что эта концепция может создать юридическую основу для установления общественных отношений на принципах коммунитаризма.

## XIII. Экологический императив и концепция модусов существования Эриха Фромма: “иметь или быть?”

Вскоре после опубликования первых работ Римского клуба, поставивших проблему экологических пределов экстенсивного экономического роста, появилась очень важная с точки зрения рассматриваемой проблемы работа Эриха Фромма “Иметь или быть?” [44], которая, в сущности, предвосхитила критику концепции “открытого общества” современными коммунитаристами, а в смысле основ коммунитаризма была, возможно, была даже значительно более глубокой, чем более поздние работы.

В ходе структурно - технологической перестройки 70-80-х годов развитому миру удалось временно смягчить экологическую ситуацию, но к концу 90-х годов напряженность в этой области вновь стала нарастать. Сейчас все отчетливее видно, что планета Земля подходит к пределу допустимой нагрузки на ее биосферу. Истощение озонового слоя, тепловое загрязнение, отравление воздуха, воды и почвы опасными химическими реагентами, гибель лесов и океана,

нахождение в хорошо и плохо оборудованных хранилищах сотен тысяч тонн опасных веществ, в том числе радиоактивных, делают жизнь на земле все более уязвимой, даже в отсутствии прямой угрозы ядерной войны. О понимании проблемы свидетельствует международная конференция на высшем уровне, проведенная в Рио-де-Жанейро, принявшая так называемую конвенцию "устойчивого развития". Постепенно становится ясно, что понимание этой концепции различно, - развитые страны "золотого миллиарда" стремятся решить ее за счет остального мира, т.е. в виде проблемы экстернальности (см. выше), сбрасывая издержки своего благополучия на других, на тех, кто не пользуется плодами этих издержек (к проблеме мы еще вернемся). Очевидно, что это лишь временное решение проблемы, отсрочка по- настоящему глобальных решений, к тому же предлагаемый вариант чреват конфронтационным расколом мира.

Я разделяю здесь мнение тех, кто считает, что решение "экологического императива" может быть лишь на основе глубоких изменений в общественных отношениях, в самом модусе существования человечества. С этой точки зрения идеи Эриха Фромма сохраняют огромный интерес. Согласно концепции Э. Фромма существование состоит из двух противоположных модусов: модуса обладания или "мы живем для того, чтобы обладать вещами", и модуса бытия или "мы живем для того, чтобы жить всей полнотой жизни". В той или иной степени каждый из модусов представлен в любом обществе, но важно то, на какой модус преимущественно ориентировано данное общество.

"Мы живем в обществе, которое зиждется на трех столпах: частной собственности, прибыли и власти. Приобретать, владеть и извлекать прибыль - вот священные и неотъемлемые права индивида в индустриальном обществе... Принцип таков: "Где и каким образом приобретена собственность не имеет значения, а также каким образом я собираюсь поступить с ней, никого не касается; пока я действую в рамках закона, мое право на собственность абсолютно и ничем не ограничено" [44, с.74] пишет Э. Фромм, называя этот вид частной собственностью. Такой абсолютной частной собственности он противопоставляет другие формы: созданную своим трудом, ограниченную, функциональную или личную, общую (см. выше о праве собственности, как "пучке правомочий").

"Природа обладания вытекает из природы частной собственности. При таком способе существования самое важное - это приобретение и мое неограниченное право сохранять то, что я приобрел. Модус обладания усиливает все другие; он не требует от меня каких-либо дальнейших усилий с целью сохранять свою собственность или продуктивно пользоваться ею. В буддизме этот способ поведения описан как "ненасытность", а иудаизм и христианство называют его "алчностью", он превращает всех и вся в нечто безжизненное, подчиняющееся чужой власти" [44, с.82].

"Такой способ существования превращает в вещи (Э. Ф.) и субъект и объект. Связь между ними смертоносна, а не животворна" [44, с.83]. "Принцип обладания, то есть установка на собственность и прибыль, неизбежно порождают стремление к власти - фактически потребность в ней. Чтобы управлять людьми, мы нуждаемся во власти для преодоления их сопротивления. Чтобы установить контроль над частной собственностью, нам необходима власть, ведь нужно защищать эту собственность от тех, кто стремится отнять ее у нас, ибо они как и мы сами, никогда не могут довольствоваться тем, что имеют; стремление обладать частной собственностью порождает стремление применять насилие для того, чтобы тайно или явно грабить других. При установке на обладание счастье заключается в превосходстве над другими, во власти над ними и, в конечном счете, в способности захватывать, грабить, убивать" [44, с.86-87].

Стоит ли говорить, что эти слова Э. Фромма гораздо лучше описывают современную российскую действительность, чем модные у российских радикал-реформаторов разговоры о "трансформационном спаде" и "эффективном собственнике". Фромм считает, что расточительное потребительство непосредственно вытекает из установки на обладание и тесно с ней связано.

"В наше время акценты перенесены на сам процесс потребления, а не на сохранение приобретенного, и сегодня человек покупает, чтобы в скором времени выбросить покупку. Будь то автомобиль, одежда или какая-нибудь безделушка - попользовавшись своей покупкой в течение некоторого времени, человек устает от нее и стремится избавиться от "старой" вещи и купить

последнюю модель. Приобретение - временное обладание - выбрасывание ... новое приобретение - таков порочный круг потребительского приобретения" [44, с.7]. Более того, формируется специфический рыночный характер, суть которого в том, что человек ощущает себя как товар и стремится только к полной адаптации к обстоятельствам, утрачивая даже собственную личность и существуя в соответствии с принципом "Я такой, какой я вам нужен" [44, с.153].

В противовес модусу обладания выдвигается модус бытия, установка на полноценный активный контакт с миром, солидарность, ощущение бытия, как реальности во всем ее многообразии, а не как процесса делания денег и приобретения вещей, развитие способностей, в том числе способности отдавать, делиться с другими, жертвовать собой. Интересна в этом отношении интерпретация Э. Фроммом "мертвого" и "живого" труда по Карлу Марксу. Капитал для Маркса - это накопленное, прошлое и в конечном счете мертвое, для него борьба между трудом и капиталом превращается в борьбу между жизнью и смертью, борьбу настоящего с прошлым, борьбу людей и вещей, борьбу бытия и обладания. "Социализм для него олицетворял общество, в котором живое одерживает победу над мертвым" [44, с.102].

Вместе с тем, полагая, что конечной целью развития общества является человек полностью свободный и независимый, Э. Фромм выступал против всякого рода авторитетов, традиций, социальных зависимостей, в том числе, семейных, - против всего того, что связывает по его мнению, раскрытие потенциала человеческого разума. В таком новом обществе должны будут господствовать свобода, любовь, познание и совершенствование. Но тут возникает определенное сомнение, а не слишком ли "совершенный человек" Эриха Фромма, не связанный ни с какой традицией и микро группой, не связанный ни с коллективом, ни с народом, ни с общиной, похож на человека "открытого общества" Карла Поппера? У последнего, по крайней мере, между людьми сохраняются формальные отношения купли - продажи. У Фромма и это исчезает.

Казалось бы у Фромма есть все предпосылки коммунитарной идеи XX1 века - прежде всего указание на необходимость перехода от модуса обладания к модусу бытия, без чего нельзя ни обеспечить восстановление многообразия человеческих отношений, ни перейти к восстановлению и гармонии с природой, ни эффективно внести в управление экономикой необходимые нерыночные методы. Но общество абсолютно свободных, ничем не ограниченных ни в социальных ролях, ни в социальном поведении людей, не связанных никакими групповыми отношениями, никакой общей системой ценностных ориентаций, - это общество, находящееся в хаотическом, бифуркационном состоянии. В этом случае возможен любой исход: либо переход к действительно высокоразвитому коммунитарному обществу, либо к "открытому обществу" К. Поппера, либо к тоталитарным и мафиозным структурам.

Последнее вероятнее всего, поскольку там, где силы добра, разума и порядка разобщены и разоружены, проще всего добиться гегемонии небольшим, хорошо вооруженным и беспринципным бандам или закулисным группировкам финансовой олигархии. И Хайек, и Поппер, и Фромм создавали свои утопии под впечатлением тоталитарных режимов XX века, но то, что они мысленно создавали им в противовес, в конечном счете, представляло собой ни что иное как питательную среду для инкубаторов тоталитаризма.

### XIV. Коммунитарная утопия Амитаи Этциони

Вернемся, однако, к началу, т.е. к Амитаи Этциони, крупнейшему представителю так называемого "низкого" коммунитаризма в США [5]. Что же и какими средствами он призывает изменить в современной Америке? Можно ли это рассматривать как путь к коммунитарным сообществам XX1 века?

На самом деле Этциони все время находится в обороне: он защищается от обвинений как в коллективизме, так и в стейтизме. Поэтому, несмотря на сильный эмоциональный призыв остановить моральную деградацию американского общества, его практические предложения крайне осторожны. Прежде всего он предлагает начать с укрепления основ нравственности, причем он считает, что важнейшую роль здесь сыграть ненавязчивое увещевание соседской общины типа: "Вы, наверное, сегодня утром очень спешили, так что не успели покосить лужайку перед домом?". При этом он усиленно открещивается от возможных обвинений в "моральном

принуждении" и "пуританизме". Далее он обращается к семье, начиная с утверждения о том, что "производство детей является моральным и коммунитарным актом. Поэтому он обращает внимание на быстро развивающийся в США дефицит родительского внимания: быстро растет число семей, в которых оба родителя работают, детям уделяется все меньше внимания или они передоверяются другим лицам. Погоня за доходом и приобретение вещей всеболее вытесняют нормальную семейную жизнь. "Модус обладания (в терминах Э. Фромма) усиливает свою гегемонию. Здесь Этциони предлагает произвести переоценку ценностей: "что вам дороже - более высокий доход или лучшие отношения с детьми?". При этом он указывает на то, что для такой переоценки нужен более быстрый темп роста американской экономики. Сегодня очень многие семейные пары в США могут на две зарплаты обеспечить себе чуть более высокий жизненный уровень, чем на одну зарплату в начале 70-х [5, с.68]. Помимо пропаганды сдвига от консюмеризма и карьеризма к более богатой внутренними радостями семейной жизни, Этциони намечает ряд практических мер, в том числе сочетание полной занятости с частичной, использование гибкого рабочего времени, работу родителей в разных сменах, увеличение продолжительности отпусков для ухода за детьми, меры по укреплению семьи, моральное неодобрение разводов, специальные курсы подготовки перед вступлением в брак, а также изменение социального законодательства в пользу семей с детьми.

После этого он переходит к серии мер, которые нужно предпринять, по его мнению, на уровне общеобразовательной школы. В школе Этциони предлагает расширить часть программы, посвященную формированию характера и моральному воспитанию. Центральным пунктом здесь является воспитание дисциплины, самодисциплины и интернализация моральных ценностей. Говоря о роли трудового воспитания, Этциони отмечает, что нужны изменения в американской семейной практике, когда дети зарабатывают себе на карманные деньги работой во внешкольное время. Эта работа должна не просто обеспечить детям карманные деньги, но развивать их характеры и способности для будущей взрослой жизни: "Мак Дональдс не лучшее для этого место!" (Сравните с нашей практикой мытья детьми стекол машин на перекрестках). Наконец, для приобщения к духу коммунитарности предлагается ввести один год "национальной службы" после окончания школы.

А. Этциони предлагает развивать коммунитарные инфраструктуры на микро уровне в виде всевозможных малых групп, считает, что возможность формирования малых групп должна учитываться в разработках городской архитектуры. На более высоком уровне он рекомендует организацию различных добровольных структур, например, спасательных служб. Помимо непосредственных целей этих организаций он считает их важнейшей задачей - способствовать восстановлению духа коллективизма, "чувства локтя", "weness" [5, с.124].

Наконец, коммунитарным отношениям должно способствовать широкое участие населения в управлении различными местными институтами - школами, больницами, библиотеками и т. п. Этциони излагает также свою концепцию социальной справедливости: во-первых, полагает он, люди должны считать своей первейшей обязанностью стараться по мере своих сил самим решать свои проблемы. Следующую линию социальной защиты представляют их близкие: родственники друзья, соседи. Каждое сообщество должно также прилагать все силы к решению своих проблем. И последняя по очереди, но не по важности линия защиты - это все общество, понимаемое Этциони в смысле сообщества сообществ, которое оказывает помощь тем своим членам, возможности самопомощи которых, включая все предыдущие линии защиты, исчерпаны.

Важнейшей составной частью коммунитарной идеи А. Этциони являются два принципа: во-первых, каждое из сообществ должно иметь твердое представление о том, что оно является частью сообщества более высокого уровня; во-вторых, в каждом сообществе и обществе в целом права членов должны находиться в соответствии с их обязанностями. Нельзя расширять сферу прав человека за счет сжатия сферы его обязанностей.

Защищаясь от обвинений в стейтизме, А. Этциони строит систему критериев, при соблюдении которых допустимо общественное (государственное, муниципальное, коммунитарное) вмешательство. Это: 1) наличие ясной и непосредственной опасности; 2) отсутствие альтернативы вмешательству; 3) допустимость минимально возможного

вмешательства; 4) есть возможность минимизировать, исключить или нейтрализовать побочные следствия вмешательства.

Представляется, что А. Этциони исходит скорее из симптомов, чем из сущности болезни, которой больно развитое капиталистическое общество на пороге XX1 века. Его набор “мягких” мер рассчитан в основном на то, чтобы привлечь к коммунитарным идеям общественное мнение США и не слишком рассориться с либерализмом. В целом, его программа представляет собой перечень рекомендаций “морального совершенствования” общества, совершенно не затрагивающий его политических, экономических и социальных основ. В то же время многие его рекомендации уже осуществляются на практике в ряде штатов США.Значит ли это, что коммунитаризм А. Этциони переходит из утопии в жизнь с конкретным “местом прописки”? Скорее всего, нет. На мой взгляд, в самом способе производства происходят глубокие изменения, которые не могут не сказаться на всей общественной жизни в целом. Эти изменения связаны, прежде всего, с изменениями в технологиях. Однако, ситуация снова становится бифуркационной и ответы, которые может дать история, различны. Одним из них является коммунитаризм, но в гораздо более широком его понимании. Из концепции А. Этциони в него может быть включено лишь то, что общество должно рассматриваться как сообщество сообществ, и что настала пора возвращаться к ценностям коллективизма.

**XV. Принципы коммунитарности - адекватная основа социально-экономических отношений XXI века**

Но вернемся к сетевым структурам, все плотнее опутывающим мир накануне его вхождения в XXI век. Сетевые структуры, особенно информационные, обеспечивают огромные возможности снижения трансакционных издержек во всем мировом хозяйстве. По мере развития обслуживающих их технических средств они будут распространяться все быстрее. Вместе с тем эти структуры предъявляют повышенные требования к безопасности. От их непрерывного функционирования зависит все большая часть человечества. Аварии на них грозят глобальными катастрофами. Непрерывность и безопасность функционирования требует обслуживания систем преданным, квалифицированным и лояльным персоналом. Важная способность к передаче колебаний не позволяет использовать в качестве регулятора систему быстро меняющихся цен. Напротив, тарифы на услуги сетевых структур могут быть дифференцированными, но должны быть стабильными на достаточно длительных отрезках времени. Высокая степень экстернальности возводит любую крупную сетевую структуру в ранг естественной монополии и, следовательно, критерий максимума прибыли не может быть эффективен с точки зрения народного хозяйства в целом.

Системы нуждаются в высокой степени координации во внутреннем управлении и совместимости между собой, а, следовательно, в тщательном планировании как при разработке, так и при функционировании, - в планировании оперативном, среднесрочном и стратегическом. Более того, крупномасштабные сетевые структуры нуждаются в стабильном социально-политическом окружении. Достаточно вспомнить пылающие нефтяные вышки Кувейта после войны в Персидском заливе.

Иными словами, общий фон, на котором функционируют сетевые системы, должен быть в достаточной степени предсказуем. С развитием сетевых структур хозяйственный мир перестает напоминать хаотическое броуновское движение отдельных хозяйственных единиц и становится похожим, скорее, на колебательное движение атомов в кристаллической решетке. Сетевые системы образуют жесткий каркас этой решетки, однако, сохраняется в ограниченных пределах определенная свобода и гибкость в адаптации хозяйственных единиц.

В таких структурах вряд ли приемлемы принципы чистого индивидуализма. Так, например, можно сомневаться в том, что банковская структура будет работать эффективно, если каждый его работник заботится только о своей личной выгоде. Об этом свидетельствуют скандалы, потрясшие недавно крупнейшие английские и японские банки.

Принцип индивидуализма и “открытого” общества, состоящего из индивидуумов, связанных только формальными связями, должен быть заменен принципом сообщества

сообществ. На всех уровнях члены любого сообщества, начиная от семьи и кончая крупной корпорацией, должны быть связаны общим интересом, человеческими отношениями, традициями, неформальными связями. Формальный критерий прибыли должен быть обставлен многочисленными ограничениями, защищающими эти неформальные отношения, позволяющими сохранять в сообществе и в обществе в целом необходимое разнообразие.

Коллективы, обслуживающие сетевые структуры, не могут быть случайно собранными, нанимаемыми и увольняемыми конгломератами людей - они должны обеспечить высокую степень сплоченности, ответственности и вовлеченности в дело функционирования системы, которую они обслуживают.

Хотя принципы “сообщества сообществ” более адекватны задаче организации взаимодействия и координации в условиях нового витка развития производительных сил по сравнению с принципами “открытого общества” Карла Поппера или Фридриха фон Хайека, они тем не менее не могут эффективно решать проблемы этой организации и будут просто “вкрапленными” в существующие общественные структуры. Прежде всего надо иметь ввиду, что криминальное сообщество также живет по законам сообщества, мафиозные структуры также следуют в определенной мере “принципам коммунитаризма”. Важен общий контекст, в который “вписываются” коммунитарные отношения.

Самое главное - должна быть изменена ценностная ориентация общества в целом: вместо частного интереса во главу угла должны быть поставлены интересы общественные. Разумеется, однако, не абстрактные цели общества, оторванные от частных интересов ныне живущего поколения, а цели общества, осуществляемые в продолжение и в память живших до нас поколений, учитывающие благосостояние ныне живущего поколения и совместимые с интересами поколений, которые будут жить после нас.

Но если поставлены такие цели, то ни критерий неограниченного извлечения прибыли, ни критерий неограниченного накопления частной собственности не могут считаться адекватными. О критерии максимизации прибыли следует еще поговорить ниже, пока лишь можно сказать, что в условиях новой экономики должны быть введены жесткие ограничения, защищающие социальную сферу и экологию, защищающие конструктивную экономику от деструктивной.

Место неограниченного накопления частной собственности в системе ценностных ориентаций должно занять обеспечение достойной и полноценной жизни для каждого индивидуального члена “сообщества сообществ”, что предполагает перенос акцентов с принципа “пусть каждый заботится о себе сам” на принципы коллективной социальной защиты и безопасности.

Инструментом по ограничению деструктивного извлечения прибыли и деструктивного применения права частной собственности может стать расщепление права собственности на пучок отдельных полномочий, которые могут быть переданы на другие уровни “сообщества сообществ” с учетом общественный потребностей и необходимости координации действий. Крупные сетевые организации, крупные корпорации по необходимости должны будут стать не просто экономическими организациями, преследующими цель извлечения максимума прибыли для своих акционеров, а социальными структурными единицами, защищающими интересы своего персонала. Только это может обеспечить достаточно полную вовлеченность персонала в функционирование своей организации, соответствующую той значимости, которую имеет это функционирование для общества в целом. С этой точки зрения считать, как это у нас принято, что социальные функции являются несвойственными производственным предприятиям, и ставить задачу разгрузки предприятий от социальных функций, является даже не одним, а сразу несколькими шагами назад, отбрасывающими нас от общественных отношений XXI века в эру “дикого капитализма” и первоначального накопления.

Коммунитарные принципы могут быть эффективными только тогда, когда их пронизывает идея социальной справедливости. В основе последней лежит не только проблема выравнивания имущественного неравенства. Главное - это отказ от принципа естественного отбора сильнейших и выдавливание из общественной жизни слабых. Понятие сильных и слабых относительно, особенно в социально-экономической жизни. Те отрасли и специальности, которые сегодня

пользуются спросом, могут завтра оказаться депрессивными. Те качества, которые считались основными преимуществами индивида в конкурентной борьбе, завтра могут оказаться его недостатками. Справедливость состоит в оказании каждому члену сообщества помощи в том, чтобы он мог полностью использовать свои способности, играть соответствующую им социальную роль, чувствовать себя полезным обществу и получать поддержку со стороны последнего. Каждому доход в соответствии с его функциональным вкладом в общественную жизнь и каждому защиту от социальных рисков - не для иждивенческого существования, а для развития способностей и принятия на себя новых рисков в ходе развития научно-технического прогресса и общественных отношений. Или по определению Вл. Соловьева:

“Нравственное начало в форме справедливости требует не материального, или качественного, равенства субъектов, единичных и собирательных, а лишь того, чтобы при всех необходимых и желательных различиях сохранялось нечто безусловное и единое для всех - значение каждого как самоцели, т.е. как того, что не может быть сделано лишь средством для чужих целей.” [20, с.50]. “Сообщество сообществ”, где доминирует групповой эгоизм, очень быстро превращается в сообщество клик, клановых и мафиозных организаций. При всей тесноте человеческих связей внутри каждого сообщества, обязательно должны быть высшие ценности, которые превалируют над ценностями отдельного сообщества.

Суровым предостережением звучат евангельские слова: “Аще кто грядет ко Мне и не возненавидит отца своего и матерь, и жену, и чад, и брата и сестер, не может быть мой ученик” (от Луки, 14, 25-26). Смысл не в том, чтобы оторваться от семьи и от рода, от сообщества, не в призыве к индивидуализму. Дело в том, что всегда должны быть ценности более высокого порядка, ценности призвания, которые для каждого из членов любого сообщества важнее его внутренних ценностей и являются общими ценностями для всех сообществ.

Сейчас многие нечестные дела прикрываются тем, что люди делают их во имя своих детей: “мы воруем - да, но во имя детей и внуков”. Но если растаскивать Родину, то детей и внуков не спасет наворованное отцами и дедами, если уничтожать экологический фонд планеты, тем же самым внукам будет негде жить и нечем дышать. И нельзя здесь не вспомнить комментария Вл. Соловьева к рассказу евангелиста: “Отрешаясь от своих исключительных привязанностей, чтобы следовать Христу, участвовать в его деле - деле всемирного спасения - мы тем самым содействуем истинному благу и своей семьи и своего народа: мы отрешаемся от них ради их же спасения” [20, с.304-305]. Так воин, в минуту опасности по призыву Родины покидающий семью и идущий навстречу врагу, спасает ее вернее, чем нежели бы он поддался групповому эгоизму и остался возле нее. Только отказ от группового эгоизма в целях служения более высоким ценностям может обеспечить выживание в современных условиях такого “сообщества сообществ” как народ, а в конечном счете “сообщества народов” - человечества. При такой постановке проблемы естественно возрастает роль государства как верхнего уровня координации усилий коммунитарного сообщества, разработчика стратегии развития, определителя приоритетных направлений.

Вместе с тем развитие на более низких уровнях коммунитарных отношений между сообществами позволяет государству отказаться от мелочной опеки социально-экономических отношений, сосредотачивая свои усилия на стратегических проблемах. Такими представляются, на мой взгляд, исторические перспективы развития коммунитарной концепции, если рассматривать ее в расширенном понимании. Но в этом случае, она неизбежно где-то сливается и объединяется с более общими концепциями социализма. Однако, является ли это исторической неизбежностью? Скорее всего, нет. Мы находимся в бифуркационном периоде и само развитие информационного общества с его сетевыми структурами, таит в себе другие, гораздо менее обнадеживающие альтернативы.

## XVI. Коммунитарное “сообщество сообществ” или “железная пята” финансовой олигархии?

Однако, наряду с развертыванием сетевых структур (а в значительной степени благодаря этому развертыванию) и вызреванием тенденций коммунитарного социализма в мире происходят и другие процессы.

Ядро этих процессов - формирование некоторого нового пространства в мировой экономике - “транснационального”, своеобразной “транснациональной цивилизации”. Ее структурными компонентами являются система ведущих международных политических, экономических и финансовых организаций (таких как ОЭСР, ВТО, МВФ, Мировой банк, Европейский банк развития и т.п.), 50-60 основных транснациональных корпораций (ТНК) и порядка 40 тыс. менее крупных ТНК [43]. Транснациональная экономика все более вытесняет привычную систему национальных государств - обороты ведущих транснационалов уже превосходят валовой национальный продукт средней величины национального государства.

Транснациональная система все более приобретает черты финансовой империи. Этому благоприятствует самое развитие постиндустриальной экономики, в которой непрерывно происходит сдвиг от производства товаров к производству услуг и развитие “невещественных” отраслей экономики (так называемая “софтизация экономики”). Эти отрасли располагаются в широком спектре - от создания промышленных технологий до валютно-финансового и управленческого ноу-хау.

У финансового капитала появляется возможность независимости от промышленного, производительного капитала. Создается самостоятельная, самодостаточная финансовая экономика, которая сама организует для себя рынки, регулирует их, устанавливает выгодные для себя “правила игры”.

В рамках этих условий прибыль финансовых институтов начинает формироваться за счет перманентной инфляции. Предшествующие обязательства обесцениваются, что в свою очередь, стимулирует выпуск новых. Создаются “мавродиевские” пирамиды в мировом масштабе, в центре которых находится эмиссия Федеральной резервной системой США долларов в качестве мировых денег. При этом США собирают с мира двойную дань: во-первых, закупая ресурсы на американские доллары, которые остаются за рубежом и лишь частично предъявляются к оплате, а во-вторых, постоянно выигрывая на обесценении самого доллара.

Другим примером подобной финансовой пирамиды могут служить финансово-земельные спекуляции в Японии во второй половине 80-х годов. Суть спекуляций заключалась в том, что цена земли вырастала далеко за пределы, определяемые реальной рентой, собственники закладывали земли и пускались в новые земельные спекуляции, вновь вздувая цену земли. Возникала, таким образом, чисто фиктивная прибыль, не имеющая физического эквивалента в виде реального продукта. Подобные же спекуляции осуществлялись на рынке акций. Этот период получил в Японии название “экономически мыльного пузыря”. “Пузырь” лопнул в начале 90-х годов, цена земли и акций упала примерно вдвое. Крупнейшие японские банки в результате до сих пор не могут разобраться с плохими должниками.

В западных странах, в особенности в США, возник совершенно новый финансовый рынок - рынок контрольных пакетов, на котором крупные специализированные игроки - корпорации ведут борьбу за недружественный захват корпораций через скупку контрольных пакетов [46]. Целью этого редко является реорганизация и повышение эффективности производства. Более часто происходит перетасовка активов и подготовка их к дальнейшим спекулятивным продажам. Такая деятельность скорее дезорганизует, чем дисциплинирует производство, подрывая возможность долгосрочного инвестирования и стратегического планирования. Создается ситуация, в которой наиболее доходными, зачастую, оказываются неконструктивные, фиктивные и даже деструктивные виды деятельности.

Вместе с тем, вся экономика индустриальных стран, включая ее конструктивную часть, существует в значительной степени за счет безвозмездного использования ею биосферного потенциала планеты, причем, не только безвозмездного, но и по большей части невосстановимого. Складывается ситуация “шагреневой кожи”, когда финансовый транснациональный блок получает

гигантские прибыли за счет производительного, конструктивного сектора, а последний в свою очередь держится на безвозмездном расходовании биосферного потенциала.

В то время, когда вершина мировой финансовой пирамиды тянется вверх, ее основание размывается. Создается ситуация, при которой, как отмечает российский исследователь этих процессов А.И. Неклесса, " в одной исторической точке сошлись процесс критического истощения биосферы, фундаментальный кризис развития и утверждение "информационной экономики" [45]. Это - типично бифуркационная, кризисная ситуация.

Мировое транснациональное финансовое сообщество тоже живет не по законам "открытого общества" Карла Поппера или приводится в движение "невидимой рукой" Адама Смита. Скорее, в нем наряду с рыночными методами уже вовсю действуют нерыночные методы раздела сфер влияния, выработки общих стратегий, политических и экономических компромиссов. Но в отличие от принципов коммунитаризма, предусматривающего процедуры демократического согласования, эти соглашения заключаются и осуществляются на самых верхах международной финансовой олигархии, иногда называемой "мировой закулисой".

По мере приближения экологического кризиса, финансовая олигархия все более проявляет стремление к мировой гегемонии. Ее инструментом, по-видимому, должны стать Соединенные Штаты, как последняя и единственная супердержава. Предполагаемая цель заключается в том, чтобы диктаторскими методами законсервировать нынешнее состояние мира, кода так называемому "золотому миллиарду" человечества противостоит "третий мир", все более отстающий в развитии и погружающийся в нищету.

Развал социалистической системы все более используется для реванша в отношении социальных завоеваний трудящихся внутри стран "золотого миллиарда". Нарастающие внутренние трудности - замедление темпов экономического роста, увеличение безработицы элита стремится преодолеть на путях сокращения социальных программ, создания "беспрофсоюзной среды" и т. п. Создается почва для перехода в случае глобального кризиса к режиму "железной пяты" финансовой олигархии (образ взят из одноименного романа Джека Лондона). Отголоски процессов доходят и до России, где все более настойчиво говорят о необходимости диктатуры "для наведения порядка", причем за образец предлагается чилийский вариант диктатуры Пиночета.

Мир в настоящее время стоит на развилке и первые десятилетия XXI века покажут, какой сценарий станет реализоваться. Представляется, однако, более или менее очевидным, что устойчивой траекторией развития является линия коммунитарного социализма, как соответствующая основному направлению развития производительных сил и конструктивной экономики, в том числе сектора, производящего полезный информационный продукт ("невещественный продукт"). Линия на власть финансовой олигархии, консервацию раскола мира - "золотой миллиард" и остальную часть населения, установление местных диктатур и гегемонии "мировой закулисы" в лучшем случае может привести к временной стабилизации, за фасадом которой продолжится распространение "ползучей нестабильности" и нарастание кризисных явлений.

## XVII. Заключение

В этом мировом контексте Россия находится в парадоксальной ситуации. К началу 90-х годов по своим исходным позициям она была наиболее близка к выходу на траекторию коммунитарного социализма. Несмотря на многие тяжкие ошибки советский режим создал мощную экономическую базу, в том числе для развития высоких технологий. Получили дальнейшее развитие свойственные русскому национальному характеру принципы коллективизма. Но эти возможности не были использованы в результате непомерного развития бюрократической централизованной иерархии, втянувшейся к тому же в непосильное военно-политическое противостояние с промышленно развитым капиталистическим миром. К тому же, находясь под гипнозом этого противостояния, страна проскочила поворотную точку, когда развитый мир начал осуществлять переход к наукоемкой ресурсосберегающей модели производства. Результатом серии грубых ошибок и корыстных групповых интересов явились события начала 90-х годов,

вылившиеся в распад Советского союза и реставрацию капитализма в России, равно как и на остальном постсоветском пространстве. И все же советский период нельзя считать тупиковой ветвью исторического пути. Скорее его нужно рассматривать, как гигантский эксперимент, разведку боем новых путей человечества, к сожалению, имевший трагический исход, но накопивший колоссальный социальный и экономический опыт, как позитивных решений, так и ошибок. Опыт, который сейчас, как никогда, нуждается в трезвом научном анализе.

Действуя “методом проб и ошибок”, без стратегии и ясно осознанной цели, ведомая некомпетентными руководителями, Россия растеряла очень многое из своего потенциала. Более половины ее производственного потенциала бездействует, идет его быстрая структурная деградация, уровень инвестиционной активности настолько низок, что не может быть и речи о модернизации, не восполняется даже износ основных фондов.

Радикал-реформаторы действовали под прикрытием концепций “открытого общества” К. Поппера, “расширенного порядка” фон Хайека, “невидимой руки” Адама Смита. Вокруг этих концепций возникла целая система мифологем.

Либерализация цен, приватизация и открытие экономики иностранной конкуренции привели не к саморегулирующейся рыночной экономике “свободной конкуренции”, а к мафиозно клановому обществу, возглавляемому финансовой олигархией. Ее представители сейчас уже открыто заявляют, что ими контролируется от 50 до 70% экономики России. Тесно связанная с мировой закулисой, эта финансовая олигархия руководствуется только своими частными корпоративными интересами. Суть этих интересов - получение сверхприбыли в финансовом секторе России с использованием государственных средств и перекачка ее на личные счета в западных банках. Это нечто совсем отличное от того, что рисовали в своих концепциях идеологи либерализма, от А. Смита до фон Хайека и М.Фридмана. Минуя “открытое общество” Россия быстро вступает в стадию криминализированного до предела общества так называемой “трофейной экономики” (А.И. Неклесса), где основная прибыль получается за счет проедания и уничтожения ранее созданного богатства, а наиболее прибыльным видом активности является участие в переделе этого богатства.

И сейчас, на фоне всеобщего разрушения и упадка появляются новые “идеологи”, которые меняют “кожу” и призывают непосредственно к установлению диктаторских режимов. Начав “за здравие” демократии, радикал-реформаторы тянут теперь “за упокой” ее души и требуют “твердой руки”. Наиболее характерна здесь фигура А. Найшуля [47], который лихо строит теорию о том, что “российской соборности” чуждо понятие демократии, и что наиболее подходящая для нее форма правления это “Автократор” с назначаемой им “боярской думой”, которая призвана лишь оформлять его волю. И никаких профсоюзов, и никакой социальной защиты! Но зато полная свобода финансовой олигархии вплоть до добровольной уплаты налогов в виде целевых пожертвований на определяемые самими “жертвователями” цели. И “расширенный порядок” фон Хайека - с примечанием, что он устанавливается не для блага народа, а просто во имя “порядка”. Такова эволюция реформаторских концепций в России. Только на первый взгляд она может показаться противоестественной. Скорее, это естественный путь развития идей “открытого общества” и “расширенного порядка”.

И все же, несмотря на огромные материальные и нравственные потери, Россия не прошла еще точки, за которой нет возврата, не вышла еще на инерционную траекторию необратимого упадка. Она сохраняет значительный потенциал науки и высоких технологий, высококвалифицированную рабочую силу, инфраструктурные сети, огромные природные богатства. В сознании народа не погашены коллективистские начала. Более того, российский народ имеет сейчас в своем распоряжении уникальный опыт многократной смены общественного строя на протяжении всего 2-3 поколений. Настало время освобождения от мифов и иллюзий и выработки идеологии развития и стратегии прорыва в XXI век.

Литература:

1. Юань Кэ. Мифы древнего Китая, М., 1987г.

2. Пирогов Г.Г. `Структурный кризис в зоне развитого капитализма: переход на новую ступень развития`. - В кн. Марксизм-ленинизм и реалии конца XX столетия, М., 1988, сс.37-73.

3. Поппер Карл. Открытое общество и его враги т.1,2. М., 1992.

4. Реформы глазами американских и российских ученых. `Российский экономический журнал`, `Фонд за экономическую грамотность`. М. 1996г.

5. Etzioni A. The Spirit of Community, Fontana Press, L., 1995

6. Громыко А. Материал к главе диссертации `Посттэтчеризм и новый лейборизм о коммунитаризме` (рукопись), 1997г.

7. Макаров В.Л. `Российская модель общества`. В кн.: Реформы глазами американских и российских ученых, с.51-64.

8. Antoine De Saint Exupery. Terre des Hommes. `Progress`, M., p. 197.

9. Фридрих фон Хайек. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. 1992.

10. К.Маркс, Ф.Энгельс. `Манифест коммунистической партии`. В кн. Избранные произведения в двух томах. `Партиздат`, М. 1935г.

11. Ориген. О началах. `Рериховский центр духовной культуры`, Самара, 1993.

12. Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма - в кн.: М.Вебер. Избранные произведения. `Прогресс`, М., 1990.

13. Макс Вебер. Социология религий (типы религиозных сообществ). - В кн.: Макс Вебер. Избранное. Образ общества.

14. Sugiyama-Lebra T. Japanese Patterns of Behaviour, Honolulu, 1979.

15. Спеваковский А.Б. Самураи - военное сословие Японии, М., `Наука`, 1981.

16. Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. `Изд-во социально-экономической литературы`, М., 1962.

17. Charles Hampden-Turner, Trompenaars Fons. The seven cultures of Capitalism, Piathus, L., 1994.

18. Альфред Маршалл. Принципы экономической науки, М., изд. группа `Прогресс-Универс`, 1993.

19. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, М., `Наука`, 1990.

20. Соловьев В.С. Три силы, - в кн.: Сочинения в двух томах. т.1. Философская публицистика, М., `Правда`, 1989.

21. Albert Michel. Capitalism Contre Capitalism, Edition de Seuil, P., 1991.

22. Отто Якоби. Больше или меньше социального государства, `Die Mitbestimmung`, спец. выпуск на русском языке, 1995, с.24-27.

23. Peter J. Katzenstein. Corporativism and Change. Austria, Switzerland and the Politics of Industry, L., 1984.

24. Laura d`Andrea Tyson, Giovanni Dosi, John Zysman. Trade, Technologies and Development. A Framework for Discussing Japan - в кн.: Politics and Productivity. How Japan`s Development Strategy Works. Johnson Ch., Tyson L. (eds.), `Harper Business`, NY, 1989.

25. Ronald Dore. Taking Japan Seriously. `Stanford Univ. Press`, Stanford, 1987; Flexible Rigidities, `Stanford Univ. Press`, Stanford, 1986; A case Study of Technology Forecasting in Japan, `Technological Change Centre`, L., 1983.

26. Водолазов Г.Г. Дано иное. От номенклатурного социализма к номенклатурной демократии, М., `Эпицентр`, 1996.

27. Неклесса А.И. Мы стоим на пороге новых образов Политики, Экономики, Культуры, `Деловой мир`, 27.08.1996; Мы должны уметь выбирать, `Деловой мир` от 18.05.1996; Геоэкономическое измерение реформ, `Независимая газета` от 11.04.1996.

28. Данилевский Н.Я. Россия и Европа, СПБ, 1895.

29. О.Шпенглер. Закат Европы, М., 1923.

30. А.Тойнби. Постижение истории, М., `Прогресс`, 1991.

31. A.J.Toynbee. A Study of History, v.12, L., 1934.

32. Красильщиков В.А. Превращения доктора Фауста, М., `Таурус`, 1994.

33. F.Fukuyama The end of History and the Last Man, NY, 1992.

34. S.Huntington. The Crash of Civilizations, `Foreign Affairs` #72 summer 1993.

35. Пирогов Г.Г. Концепция социальных амортизаторов. В кн.: Механизмы защиты социальной сферы, М., `Наука`, 1992.

36. Вебер А.Б. Классовая борьба и капитализм. Рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX-XX вв., М., `Наука`, 1986.

37. Р.Коуз. Фирма, рынок, право. М., 1990.

38. А.Пигу. Экономическая теория благосостояния, М., 1984.

39. G.F.Stiegler. The Theory of Price, 3-nd ed., NY, 1966.

40. Батчиков С.А., Петров Ю.А. Концепция и программа стабилизации финансовой сферы. - В кн.: Реформы глазами американских и российских ученых. Богомолов О.Т. (отв.ред.), М., 1996.

41. C.Breaden, P.Toumanoff. Transaction costs and economic institutions. In: The Political Economy of Freedom. K.Laube, A.Zlalinger (eds.), Muenchen, 1984.

42. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития, М., `ВлаДар`, Москва, 1993.

43. `Финансовые известия`, 6.02.1997.

44. Э.Фромм. Иметь или быть?, М., `Прогресс`, 1990.

45. Неклесса А.И. Этот новый финансовый мир, `Сегодня` от 15.06.1995. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире, `Мировая экономика и международные отношения` ?8, 1995. Геометрия экономики, `Мировая экономика и международные отношения` ?10, 1996.

46. T.Copeland, T.Koller, J.Murrin. Valuation. Measuring and Managing the Value of Companies, McKinsey, NY, 1990.

47. Найшуль В. О нормах современной российской государственности, `Сегодня` от 23.05.1996.